Николай Аджавенко

АРХИП КУИНДЖИ и ТРЕТЬЯКОВ.
К истории взаимоотношений

В указателе III передвижной выставки картин (1874 г.) под последним, 68-м номером значится пейзаж экспонента А.И. Куинджи «Забытая деревня». *«Картина стала этапной для художника. Она показала несомненную близость его творчества искусству передвижнического лагеря. И даже формально Куинджи продемонстрировал свои новые симпатии, впервые экспонировав полотно на выставке Товарищества»* [1, с. 29-30]. После показа в Петербурге «Забытая деревня» «переехала» в Москву. Здесь, в залах Училища живописи, ваяния и зодчества, на нее и обратил внимание коллекционер П.М. Третьяков. Это была вторая картина Куинджи (первая – «На острове Валааме»), приобретенная Павлом Михайловичем для своей галереи.

Выставка еще находилась в Петербурге, а художник Г.Г. Мясоедов в феврале сообщал правлению Товарищества: *«Перов утверждает, что в Москве выставка будет иметь успех и что ее давно ждут»* [2, с. 108]. После двух месяцев показа в Москве передвижная выставка побывала еще в семи крупных городах России: Казани, Саратове, Воронеже, Харькове, Одессе, Киеве, Риге. Однако «Забытая деревня» Куинджи в провинции не экспонировалась. Что же произошло? Обратимся к печатным источникам и архивным материалам.

На традиционном общем собрании Товарищества передвижных художественных выставок, проходившем 2-4 января, Иван Николаевич Крамской был избран в члены правления на 1874 год. И, естественно, занимался всеми вопросами организации III передвижной выставки. 5 октября он пишет владельцу «Забытой деревни» Третьякову: *«...картины Куинджи и Савицкого остались у Вас, я узнал недавно* (после Москвы выставка успела «побывать» в Казани, а 4 октября открылась в Саратове – Н.А.); *случилось это таким образом: Чиркин перед отправлением в путешествие обращался к В.Г. Перову за распоряжениями и указаниями, но тот, к сожалению, на все вопросы отвечал: не мое дело, делайте, как знаете. Бог знает, что с ним случилось. И вот Чиркин, поставленный в необходимость поступать по обстоятельствам, не смел ничего ни спрашивать, ни брать; взял только то, что было в конференц-зале... Если бы для Вас, глубокоуважаемый Павел Михайлович, не составило особых хлопот, то было бы хорошо отправить картины в Саратов, где теперь выставка...»* [3, с. 271]. Из письма понятно, что «виновник» всего – художник В.Г. Перов, также член правления. Но Василий Григорьевич к этому времени к своим обязанностям относился уже весьма «прохладно». Назревал конфликт и разрыв с Товариществом. О чем, конечно же, прекрасно знал Крамской, писавший 6 августа того же года своему адресату: *«Бог судья Перову – обойдемся и без него»* [3, с. 259]. Сам же Иван Николаевич, понадеявшись на Третьякова, 5 октября написал еще одно письмо – А.Д. Чиркину, сопровождавшему выставку в провинции: *«В Саратове мы должны получить две картины от Третьякова: Савицкого «Рабочие» и Куинджи «Забытая деревня», и потому подождите их там во всяком случае. Они должны выехать из Москвы 8 или самое большое 10 октября»* [3, с. 272]. Понимая, что картины Куинджи и Савицкого будут иметь успех в провинции, Крамской 20 октября вновь напоминает Чиркину: *«Я писал уже Вам, что из Москвы будут посланы 2 картины в Саратов, долженствующие быть на выставке во все время ее путешествия; это – Савицкого*

"Рабочие на железной дороге" и Куинджи "Забытая деревня". Получены ли они Вами? Если не получали, то надо подождать» [3, с. 274].

Время идет. Александр Дмитриевич Чиркин волнуется, ждет. Но ни 8, ни 10 октября, ни позже картины от Третьякова не приходят. А 22 октября выставка в Коммерческом клубе Саратова должна уже закрыться. Тогда Чиркин непосредственно обращается в письме к самому Третьякову, который только 1 ноября сообщает Крамскому, что картины не будут отправлены в Саратов. Неугомонный Иван Николаевич 9 ноября вновь обращается к Третьякову, но уже в более категоричной форме: *«Так как картины Савицкого и Куинджи составляют несомненный интерес, то их придется, вероятно, отправить в Харьков. Выставка в настоящее время находится в Воронеже. В Казани и Саратове было недурно, особенно в Саратове. Так как вы остаетесь еще в Москве, то картины Савицкого и Куинджи позвольте уложить и отправить В.Е. Маковскому, который здесь теперь, но на днях уезжает обратно. Мы будем просить его заняться этим»* [3, с. 278]. 12 ноября из Воронежа к Третьякову второй раз обращается Чиркин: *«Будьте так добры выслать картины Савицкого и Куинджи в Харьков»* [4].

А.И. Куинджи. 1870 г.

П.М.Третьяков

Однако ни в Харьков, ни Маковскому картины отправлены не были. Больше по этому вопросу щепетильный Крамской Третьякова не беспокоил. Только обмолвился в письме от 16 ноября по поводу В.Е. Маковского, *«который уже уехал обратно, не повидавшись, впрочем, с нами»* [3, с. 281]. Молчал и задерганный Чиркин, которому и без этого хватало хлопот с выставкой. Такой поворот событий, понятно, особенно устраивал Павла Михайловича. Картины он уже приобрел, они находились в надежном месте. Ущемленными в этой ситуации остались художники. Особенно Куинджи. Ведь это его первое участие в передвижных выставках. Тем более, что картина удалась. И как хотелось, чтобы ее увидела публика не только в Петербурге и Москве, но и в провинции. Естественно, что Куинджи понимал, по чьей вине «Забытая деревня» осталась в Москве. Зная характер художника, не трудно предположить, что он не мог оставить этот эпизод без последствий. Требовался только подходящий случай…

И уже через полгода настырный и решительный Куинджи свел «счеты» со своим «обидчиком». А вышло вот что. К IV передвижной выставке Куинджи писал «Чумацкий тракт в Мариуполе». Как всегда, задерживал, не успевал к открытию. Крамской и другие члены правления Товарищества торопили его – картина заметная.

27 февраля 1875 года в залах Академии художеств выставка открылась. О ней заговорили, появились статьи в газетах. В.Д. Поленов писал из Парижа П.П. Чистякову: *«Говорят, что передвижная выставка в нынешний год очень недурна, особенно хвалят картину Максимова и пейзаж Куинджи»* [5, с. 58]. Третьяков поручает Крамскому вести переговоры с Куинджи и Максимовым по поводу покупок их картин «Чумацкий тракт в Мариуполе» и «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Кроме того, он просит, чтобы художники дописали свои работы. 12 марта Крамской уведомляет Павла Михайловича: *«Картину "Чумацкий тракт" Куинджи поставил почти такую же, как она и была: Вы знаете его медленность – ему нужно долго раскачиваться, пока кисть попадет на полотно. Впрочем, он бы ее и кончил, да мы все просили ее поставить к открытию и к приходу великого князя, после же выставки он ее кончит. Однако ж так как она теперь есть не хуже, чем была, и вы, вероятно, заметите кое-какие перемены к лучшему»* [3, с. 290]. В конце письма маленькая дописка: *«Поручение Ваше передам Максимову и Куинджи, а лучше, если бы Вы собственным глазом взглянули на выставку»* [3, с. 290]. Надо сказать, что «Чумацкий тракт в Мариуполе», очевидно, не совсем понравился Крамскому. Во всяком случае, сообщая Репину в Париж о произведениях Куинджи, показанных на IV передвижной выставке, он отметил лишь «одну степь с цветами» [3, с. 294]. А вот, что писал 26 марта Павлу Михайловичу Александр Риццони: *«Выставка, за исключением Куинджи, Маковского и портрета Гончарова, крайне плоха. Куинджи мне чрезвычайно нравится, это сильный художник, этим приобретением можно Вас поздравить»* [6].

Третьяков на выставку в Петербург не попадает, а передает Крамскому для Куинджи деньги за картину и просит напомнить ему о своей просьбе, выражая тревогу по поводу приобретенного полотна: *«Я беспокоюсь, кончит ли как должно картину Куинджи (т.е. фигуры и воздух главным образом)? Я потому это говорю, что знаю, как иногда оторвавшись от известной работы, трудно опять за нее же приниматься; потом вследствие разных нелепых отзывов может явиться охлаждение, а главным образом имею в виду Ваше замечание, что он горит желанием улизнуть из Петербурга поскорее»* [7]. На это письмо Иван Николаевич 5 апреля отвечает адресату: *«Деньги Куинджи я передал, расписку взять с него поделикатничал...»* [3, с. 296]. И зная, что Куинджи собирается уезжать из Петербурга, дальше пишет: *«...я сомневаюсь, чтобы он что-либо мог сделать и был бы способен не портить. Впрочем, при первой встрече я у него узнаю, как он думает быть с пейзажем, и когда он его кончит?»* [3, с. 296].

В день Пасхи Иван Николаевич встретился с автором «Чумацкого тракта в Мариуполе» и вновь передал ему просьбу Третьякова. 19 апреля, через два дня после открытия выставки в Москве, Крамской сообщает подробности Павлу Михайловичу: *«Теперь относительно самого затруднительного пункта – окончания Максимовым и Куинджи их картин.., что касается Куинджи, то я не знаю, как мне быть. Вы говорите о нравственной ответственности Товарищества, я согласен, что она есть, пожалуй, но каким образом этого достигнуть? Когда я, по получении от Вас письма об этом (еще первого), сказал ему, он промолчал, а по получении последнего, увидав его на праздниках, завел об этом речь, то он очень недовольным тоном сказал: "Кто же это выдумал, что она не окончена?.." Я говорю, что Вы же сами говорили и при мне, что там не окончены небо и быки, да, наконец, во время выставки была пришпилена записочка под Вашей картиной, что она не окончена? С чьего же это согласия было сделано? Вы сами видели, все время*

эта записка была, стало быть, нет ничего мудреного, что так о ней и отзываются; во всяком случае, прошу вас написать Павлу Михайловичу, чтобы он не беспокоился. Не знаю, что он сделал и писал ли, не знаю, так как я его не видал больше...» [3, с. 298]. Вняв просьбе Крамского, Куинджи пишет короткое письмо Третьякову, в котором объясняет ситуацию: *«Выставка закрыта 6-го апреля и картины уже отправлены в Москву. Картину мою я считаю конченою потому, что сделал все, что мог»* [8].

Крамской, будучи одним из руководителей Товарищества передвижных художественных выставок, глубоко переживал все конфликтные ситуации, связанные с деятельностью этого творческого формирования, боролся за чистоту отношений, заботился о высокой гражданской миссии художника. И в «затруднительном» недоразумении между Куинджи и Третьяковым он был, конечно же, на стороне последнего. Чувствуя свою вину за случившееся, Иван Николаевич был полностью солидарен с Третьяковым, понимая его огромную роль в поддержке и пропаганде искусства. 27 мая он пишет Павлу Михайловичу: *«Если я кое-что писал об Куинджи, то больше, как личные ощущения, а не с тем, чтобы вызвать в Вас успокоительные замечания для меня. Я думаю, что не буду далек от истины, если скажу: то, что Вы делаете, Вы делаете обдуманно, решившись, и потому я глубоко Вам благодарен за деликатное отношение ко мне, совершенно понимаю и ценю его, но мнение мое остается то же, несмотря ни на что, и Куинджи сделал дурно, а Товарищество нравственно остается ответственным, и хотя взыскать ничего нельзя, но это скажется в будущем»* [3, с. 305].

1 июня передвижная выставка в Москве закрывается. С экспонированием картин в провинции происходит длительная заминка. Только 10 декабря она открывается в Харькове. Времени для окончания картины достаточно. Но Куинджи принципиален. Вопреки просьбам, он не стал дописывать «Чумацкий тракт в Мариуполе», считая картину законченной, а вскоре уехал за границу. И в последующей переписке Третьяков и Крамской уже не возвращаются к «затруднительному пункту». Павлу Михайловичу, как и Куинджи, не до картины. 31 июля он с тревогой сообщает Крамскому, готовящемуся писать портрет жены Третьякова Веры Николаевны: *«Жена моя до 3 июля была так себе, не дурна, можно бы, пожалуй, и начать и кончить портрет, но 3-го июля она оставила кормить ребенка и вследствие того у ней сделалось воспаление в груди и затем лихорадка; только теперь начинает поправляться; в начале сентября мы поедем в Крым...»* [9, с. 121-122].

В конце апреля 1876 года, после показа в Ярославле, картина «Чумацкий тракт в Мариуполе» возвратилась к владельцу. Казалось, можно вновь поднять вопрос ее доработки. Но именно в это время Третьяков неожиданно заболел: *«Павел Михайлович вследствие болезни (подагры) некоторое время не мог двигаться»* [9, с. 126]. Появились, естественно, другие заботы. Необходимо было *«на время оставить все свои занятия, пить воды и отдыхать на даче»* [9, с. 126]. 30 мая Третьяков сообщает Крамскому в Париж: *«У нас стоит чудная погода вот уже другая неделя, я живу в Кунцеве безвыездно и еще проживу так недели две, а там опять каждый день буду в Москву ездить»* [9, с. 126]. А в сентябре Павел Михайлович с женой поехали за границу.

И только в 1877 году Третьяков «вспоминает» о «Чумацком тракте в Мариуполе». На этот раз на Куинджи он «воздействует» через Максимова и того же Крамского. Павел Михайлович считает, что полотно необходимо реставрировать. Посредничество видных художников помогает. Куинджи соглашается. 7 апреля Архип Иванович направляет письмо владельцу, заверяя его: *«Пожалуйста, не беспокойтесь на счет Вашей картины, я буду очень осторожно обращаться с нею. Все, что могу, сделаю, а главное не испорчу»* [10]. Летом, получив от Третьякова

А.И. КУИНДЖИ

Забытая деревня. 1874 г. Х., м. 81,7х165

Чумацкий тракт в Мариуполе. 1875 г. Х., м. 105,5х213

После дождя. Х., м. 102х159

Е.П. КРАМАРЕНКО

Фонтан. 30-е гг. XX в. К., м. 64х81,5

Открытка. 1950 г.
Никитовка

Копия картины А.И. Куинджи «Радуга»

Открытка. 1951 г.
Еленовка. Карьер №2

Открытка 1948 г.

Новогодние открытки. 1948 г. Станция Сартана

«Чумацкий тракт в Мариуполе», он остается в Петербурге и длительное время занимается восстановлением полотна. Посетив мастерскую Куинджи и наблюдая за реставрацией, Максимов 9 июля сообщал Третьякову: *«Теперь со всей картины лак снят, он хочет приняться за исправление некоторых изменившихся в воздухе тонов, полагаю он сделает также хорошо, как была прежде. Хотя он и не охотно принялся за нее сперва, но теперь увлекшись уже не отстает для другого дела, если еще поработает с усердием одну неделю – картина будет готова»* [11]. Однако вышло не совсем так. Работа затянулась до осени. И после окончания реставрации картина еще длительное время находилась у Куинджи.

То, что реставрация была выполнена успешно, подтверждает тот факт, что это произведение на следующий год попало на Всемирную выставку в Париже. Уговорил Третьякова дать разрешение на отправку картины в столицу Франции устроитель русского отдела выставки Андрей Сомов. 7 декабря 1877 года он писал Павлу Михайловичу: *«Объезжая здешних художников, я узнал от г. Куинджи его желание отправить в Париж временно находящуюся у него принадлежащую Вам картину "Чумацкий тракт". Вместе с тем г. Куинджи уполномочил меня усердно просить Вас дозволить ему отдать эту картину мне для выставки. Присоединяясь к этой просьбе, льщу себя надеждою, что Вы во всегдашнем внимании Вашем к интересам отечественного искусства и наших художников не откажете удовлетворить желание г. Куинджи. В случае Вашего согласия на него, я покорнейше просил бы Вас выслать сюда принадлежащую к картине раму...»* [12]. Произведения Куинджи имели на Всемирной выставке огромный успех. О них писали многие французские газеты. Один критик даже утверждал, что Куинджи на сегодняшний день – *«самый любопытный, самый интересный между молодыми русскими живописцами»* [13, с. 346].

Мы же вернемся к теме нашего исследования. Неприятный конфликт по поводу «Чумацкого тракта в Мариуполе», длившийся более двух лет, завершился тем, что художник выполнил просьбу владельца картины. Однако Третьяков, судя по всему, затаил все-таки обиду на Куинджи. Вероятно, этим объясняется его равнодушие к следующей после «Чумацкого тракта в Мариуполе» картине пейзажиста. «Украинскую ночь» он демонстративно игнорировал, как и П.П. Чистяков, писавший Павлу Михайловичу в апреле 1876 года: *«Пейзаж Куинджи написан эффектно, но не художественно, кукольно. В публике он производит тревогу и совершенно справедливо»* [5, с. 76]. 18 апреля Третьяков ответил своему адресату: *«Куинджи я также видел, но приобретать ее не покушался потому, что мне она показалась совершенно так, как и Вам, но брату моему она очень понравилась и он ее приобрел»* [14].

Третьяков «не замечал» новых произведений теперь уже известного художника целых три года. Более того, он отрицательно относился и к творческим принципам Куинджи. Это подтверждают слова того же Чистякова в письме к Павлу Михайловичу: *«Мы с Вами не ошиблись, давая оценку его лунной ночи»* [5, с. 97]. Несправедливость этого суждения очевидна. Она опровергается дальнейшими действиями самого Третьякова.

В 1879 году он приобретает сразу три картины Куинджи, показанные на VII передвижной выставке, – «Березовую рощу», «После дождя», «Север». Причем делает это до открытия выставки в Петербурге. Зная, что Куинджи задерживает свои пейзажи, торопится дописать, Павел Михайлович нервничает, беспокоится за свои покупки, спрашивает у Крамского о продвижении работы художника. Успокаивается, получив 1 марта письмо Ивана Николаевича: *«Куинджи картины поставил...»* [15, с. 17]. Однако через два месяца Третьякова «ожидала» еще одна неприятность, связанная с пейзажем строптивого художника. Что же произошло на этот раз?

VII передвижная выставка уже почти целый месяц в Москве. В залах Училища живописи, ваяния и зодчества собирается много публики. Несомненный успех имеют картины Куинджи. 23 апреля – за несколько дней до закрытия – Репин пишет Крамскому оптимистическое письмо: *«...27-го выставка будет окончательно закрыта. Поленов и Васнецов были вчера, 22 апреля, говорят, прошло 17 800 человек всего, не знаю, верно ли это. В воскресенье было 2 400 народу; публика выражала много неудовольствия по случаю раннего закрытия выставки; только теперь она (выставка) приобрела всеобщий интерес»* [2, с. 191]. А 30 апреля Репин сообщает Третьякову, находящемуся в Костроме, неприятную весть: картина Куинджи «После дождя» испорчена. Уже 3 мая Павел Михайлович в Москве. Сразу же пишет о случившемся Крамскому – своему советчику и помощнику по вопросам искусства: *«Одна из картин Куинджи, "После дождя", прорвана на выставке; я ее еще не видал, так как только что вернулся из Костромы»* [16]. 10 мая Иван Николаевич отвечает удрученному Третьякову: *«Вчера у меня был Поленов и сообщил также то, что было известно уже мне из Вашего письма, что картина Куинджи прорвана; каким это образом случилось – они не могут себе объяснить, так как еще вечером после окончательного закрытия выставки Поленов, Васнецов и еще кто-то обходили выставку, свидетельствовали ее, и ничего не было. Это очень печально, тем более что это случилось с Вами, которому так много Товарищество обязано»* [15, с. 21].

10 мая письмо Третьякову написал и Куинджи. Зная, что выставка в Москве закрылась, а до отправления ее в Одессу еще есть время, Архип Иванович решил воспользоваться этим и просил владельца своих пейзажей прислать их в Петербург: *«Мне пришла мысль составить олеографический альбом моих картин, но так как для этого необходимо снять копии, то покорнейше прошу Вас прислать мне картины: (без рам) "Березовая роща", "После дождя" и "Север". Все расходы, в Петербург и обратно в Москву, на мой счет»* [17]. Надо признать, что в этом случае интересы автора и владельца совпали. Павел Михайлович переслал пейзажи в Петербург. Куинджи за два месяца восстановил картину «После дождя». И уже в августе в Одессе любители живописи могли наблюдать все три произведения ставшего знаменитым художника. Остался доволен и Крамской. Ведь в том же письме Третьякову от 10 мая, заботясь о Товариществе, он откровенно признавался: *«Искренно желаю, чтобы этот случай не послужил бы поводом отказать нам в чем-либо»* [15, с. 21].

Все эти недоразумения, безусловно, отложили отпечаток на взаимоотношения Куинджи и Третьякова. Большими друзьями они не стали. Но и резких выпадов друг против друга не допускали. Встречались на выставках, у приятелей. Ученик знаменитого пейзажиста Аркадий Рылов вспоминает такой эпизод на одной из выставок: *«При входе в зал я встретил Архипа Ивановича. Он обнял меня, расцеловал и познакомил с Павлом Михайловичем Третьяковым, купившим мою картину»* [18, с. 79]. И все-таки приезжая по делам из Москвы в Петербург, Третьяков никогда не посещал Куинджи. Не был в доме коллекционера и основателя картинной галереи и знаменитый пейзажист. *«Из всех знакомых с Павлом Михайловичем художников сравнительно немногие бывали у него дома. Сам же бывал он у очень многих»* [9, с. 213]. Вот, что сообщает Третьяков из Петербурга жене 6 февраля 1882 года: *«Был у Шишкина, Савицкого, Ярошенко, Менк, Чистякова, Орловского, Горавского, Нарышкина, Томиловой, Лоренковича, Варгуниной, Веселовского, Языкова, Гейнца и проч. Не был еще ни у Максимова, ни у Полонских, ни у Львова...»* [9, с. 213-214]. Прошло всего двадцать дней и Павел Михайлович снова в Петербурге. И снова посещение друзей и знакомых: *«Был у Максимовых, Репиных, Крамских, Ярошенко, Боткиных, Григоровича...»* [9, с. 214]. Имени Куинджи в этом достаточно длинном списке нет, зато его картины уже несколько лет украшали ставшую знаменитой

галерею.

До конца жизни, несмотря на возникающие недоразумения, Третьяков считал Куинджи одним из самых выдающихся художников. Он не раз рекомендовал Крамскому включать на Всемирные выставки полотна пейзажиста. 12 января 1878 года Павел Михайлович советует своему другу: *«...с своей стороны особенно рекомендовал бы Вам Куинджи взять все вещи, находящиеся у меня: "Валаам", "Степь" и "Забытую деревню"; они все, по моему мнению, равно интересны, и я не знаю, которой из них отдать предпочтение»* [19]. Когда в 1880 году Куинджи вышел из состава Товарищества передвижных художественных выставок, многие осудили этот поступок Архипа Ивановича. А вот Третьяков философски отнесся к неординарному событию, увидев в этом преимущества для живописца. 17 ноября, в то время, как по всему Петербургу шла восторженная молва о выставке в Обществе поощрения художеств одной картины пейзажиста – «Лунная ночь на Днепре», Павел Михайлович писал одному из своих постоянных адресатов: *«А Куинджи прав, никогда бы он не достиг такой славы оставаясь в Товариществе, потому что на Товарищеских выставках говорили бы о нем, и рассматривали его в связи с другими, теперь же отдаются всецело ему одному»* [20].

Помнил всегда Третьякова, его роль в искусстве и в судьбе русских художников и Куинджи. Это красноречиво подтверждает следующий факт. В 1904 году Архип Иванович пожертвовал 100 тысяч рублей для учреждения конкурса своего имени при Весенней выставке и предложил установить для молодых художников ежегодную премию имени П.М. Третьякова, умершего шесть лет назад. Она присуждалась до 1918 года, когда была проведена последняя выставка. После этого произошло еще одно знаменательное событие. В Государственную Третьяковскую галерею от собирателя картин Я.И. Ачаркана 11 октября 1927 года был принят один из портретов Куинджи работы Крамского. Глубоко символично, что в фондах всемирно известной галереи, наряду с пейзажами знаменитого художника, появился и его портрет.

Использованные источники

1. Манин В. Куинджи. – М.: «Изобразительное искусство», 1976.
2. Товарищество передвижных художественных выставок. Письма, документы. 1869-1899. – М.: «Искусство», 1987.
3. Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи в двух томах. Т.1. – М.: «Искусство», 1965.
4. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 4085.
5. Чистяков П.П. Письма, записные книжки, воспоминания. –М.: «Искусство», 1953.
6. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 3059.
7. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 259.
8. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 2005.
9. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков. – М.: «Искусство», 1986.
10. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 2006.
11. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 2274.
12. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 3418.
13. Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. Т.1. – М.: «Искусство», 1952.
14. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 178.
15. Иван Николаевич Крамской. Письма, статьи в двух томах. Т.2. – М.: «Искусство», 1965.
16. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 343.
17. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 2009.
18. Рылов А. Воспоминания. – Л.: «Художник РСФСР», 1960.
19. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 315.
20. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. – Ф. 1. – Ед. хр. 353.

Людмила Якушенко

ПОСЛЕДНИЙ СВЯЩЕННИК ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА МАРИУПОЛЯ

26 января 1943 года в «Маріюпільській газеті», выходившей в городе в годы оккупации, был напечатан некролог, в котором сообщалось о смерти старейшего мариупольского протоиерея Константина Ананьевича Агапьева. Короткий некролог завершался словами: *«Все життя о. Агап'єв відзначався скромністю й некористолюбством і помер у великих нестатках»* [1, с. 4]. Какой была судьба о. Константина? Что пришлось пережить ему на жизненном пути длиною в 85 лет? Попытаемся восстановить историю его жизни, опираясь на немногочисленные документы, сохранившиеся до нашего времени.

Анна и Константин Агапьевы
Кон. XIX в.

В ревизской сказке церковно- и священнослужителей Мариуполя и уезда за 1782 год в слободе Мангуш значилось пять священнослужителей и среди них – Агапиос Михайлов сын, его жена Елисавета Тодорова дочь и их двухлетний сын Михаил [2]. В 1782 году о. Агапиосу было 28 лет. Он и положил начало династии Агапьевых. Как тогда было принято, дети священников также становились духовными лицами. Известно, что дед Константина Фёдор Агапьевич и отец Ананий Фёдорович не стали исключением, неся службу в Феодоро-Стратилатовской церкви с. Мангуш.

Константин родился в Мангуше в 1858 году. Окончив Екатеринославскую духовную семинарию, он не сразу стал священником, а более 10 лет работал сельским учителем. Сан священника о. Константин принял в 1892 году [3, с. 501]. В августе того же года в Харлампиевском соборе Мариуполя состоялось венчание молодой пары. Запись в метрической книге главного храма Мариуполя гласила: *«жених – окончивший курс Екатеринославской Духовной семинарии Константин Ананьев Агапьев, православный, 1-м браком, 34 года. Невеста – дочь Мариупольского купца Анна Константинова Бретелова, православная, 1-м браком, 20 лет. Поручители по жениху – окончивший курс Екатеринославской Духовной Семинарии Иван Фёдоров Кириаков и Мангушский поселянин Павел Васильев Тодурков. По невесте – Мариупольский купеческий сын Григорий Георгиев Мелеков и Мариупольский мещанин Георгий Григориев Псалти»* [4]. Поручителями жениха и невесты были люди уважаемые и достойные, оставившие о себе добрую память.

Сохранился снимок, сделанный вскоре после свадьбы – чета Агапьевых: Константин Ананьевич и Нюня, так ласково называли Анну Константиновну в семье. Она была моложе Константина на 14 лет и на фото рядом с солидным мужем, красивым мариупольским греком, выглядела почти ребёнком.

Первым местом службы о. Константина стал храм в с. Торско-Алексеевка Бахмутского уезда, в котором он служил три года. 16 мая 1895 года о. Константина перемещают в Свято-Георгиевскую церковь греческого селения Сартана [5, с. 154]. В

1902 году он становится настоятелем этой церкви [6, с. 471]. Однопрестольная каменная церковь была построена в 1824 году на средства верующих. К сартанскому храму была приписана церковь-школа с престолом в честь святого архистратига Михаила в посёлке Македоновка. Приход сартанской сельской церкви был самым многочисленным в Мариупольском уезде. Количество прихожан по данным «Справочной книги Екатеринославской епархии» в 1906 году составляло 7057 человек. Семья Агапьевых жила в доме, который принадлежал церкви. Жалованья ему платили 141 руб. 12 коп. Службу в храме о. Константин сочетал с преподаванием Закона Божьего в церковно-приходской школе и школе грамоты, а в 1903 году он был утверждён законоучителем 3-го Сартанского народного училища [3, с. 501].

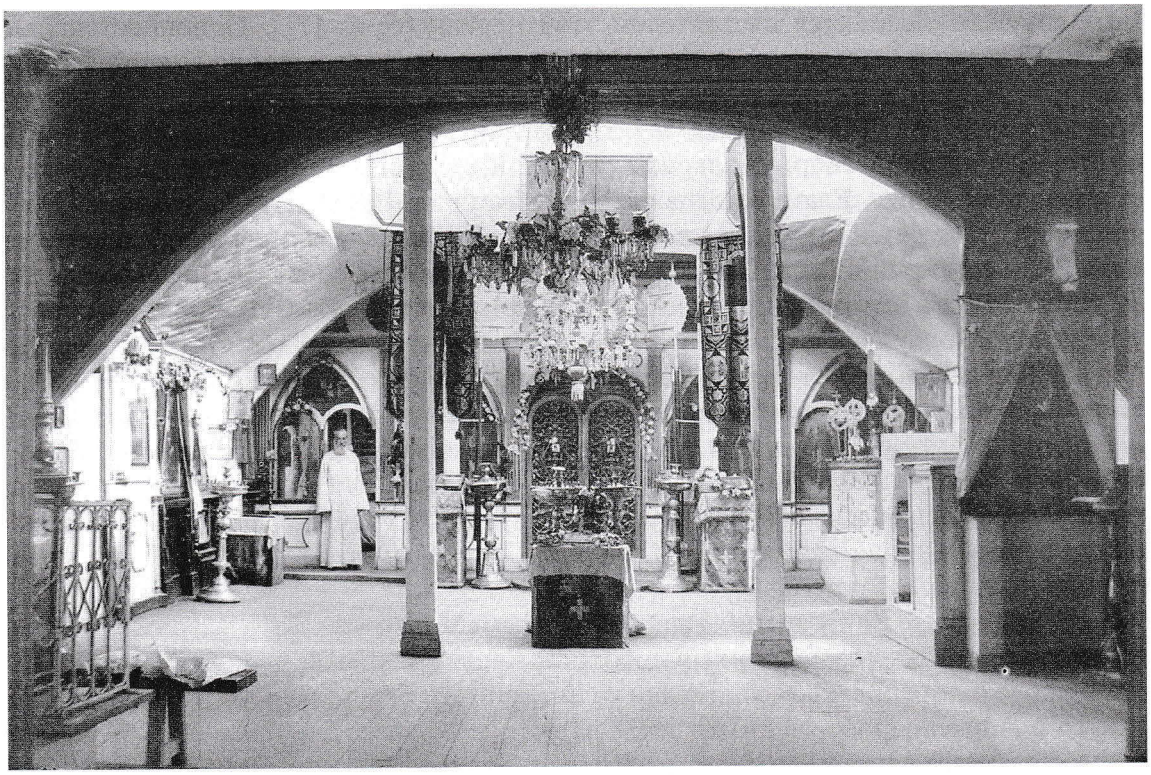
В Сартане в 1903 году у Агапьевых родился долгожданный ребёнок – сын Георгий [4]. К этому времени в семье воспитывали восьмилетнюю приёмную дочь Ефросинию, которую удочерили, видимо, уже не надеясь иметь собственных детей. Откуда и когда она появилась в семье Агапьевых, неизвестно. Сохранилась фотография Ефросинии и Георгия, сделанная в 1909 году, на оборотной стороне которой нетвёрдой детской рукой маленький Георгий сделал дарственную надпись дедушке и бабушке Бретеловым.

В 1912 году Константин Ананьевич с семьёй переезжает в Мариуполь, где получает место 3-го священника в соборной Харлампиевской церкви [7, с. 201]. В Мариуполе он преподаёт Закон Божий в гимназии В. Е. Остославской. Сын Георгий учится в Александровской гимназии, а затем в реальном училище. А в 1916 году семью постигает несчастье: 21-летняя Ефросиния умирает от туберкулёза лёгких [4].

В фондах Мариупольского краеведческого музея хранится еще один предмет, связанный с именем Константина Агапьева. Это фотоснимок, сделанный с литографии, на которой изображен Шагин-Гирей, последний хан Крымского ханства. Во время его правления в конце XVIII века произошло переселение греков-христиан из Крыма в Российскую империю на территорию Приазовья. Над портретом хана сделана надпись: «Возобновлён Леонтием Хонахбей». Какое отношение имел Леонтий Хонахбей, народный поэт из Сартаны, к происхождению этого снимка, и каким образом он оказался у Константина Ананьевича не известно. Но – неоспоримый факт – Константин Агапьев принёс фотографию в музей. Подтверждение тому – надпись на оборотной стороне снимка: «Приношу сей портрет музею. Протоиерей К. Агапьев. 1927 г. июня 17 дня» [8].

К этому времени о. Константин перешел из Харлампиевского собора в Екатерининскую церковь, которая и стала последним местом службы священника [1, с.4]. В 1930 году музейный фотограф М. Н. Улахов запечатлел внутренние виды всех мариупольских церквей. На одном из снимков Екатерининской церкви – фигура священника, о. Константина, стоящего в глубине церкви, слева от иконостаса. Справа видно надгробие, установленное над захоронением митрополита Игнатия [9]. Возможно, именно о. Константину принадлежала идея о перенесении мощей митрополита в музей краеведения после закрытия Екатерининской церкви.

Коренным образом изменилась жизнь Константина Ананьевича после того, как храм, в котором он служил, в 1930 году был закрыт по распоряжению местной городской власти. Последующие годы стали для него годами испытаний и потерь. Константин Ананьевич, как и остальные священники, был лишен личного имущества и гражданских прав, остался без средств к существованию. В 1937 году были арестованы, а в марте 1938 года расстреляны семеро мариупольских священнослужителей. Самого о. Константина трагическая участь миновала, но жертвой репрессий стал его сын Георгий, старший архитектор «Союзтранспроекта», проживавший с женой и маленькой дочкой в Харькове. Обвиняя Георгия Константиновича в шпионской деятельности в пользу Германии, сотрудники НКВД вспомнили и его социальное происхождение – «из семьи попа, бывшего почётного



Екатерининская церковь в Мариуполе. 1930 г.

гражданина» [10, с. 457]. После ареста Георгия, принадлежавшее ему золотое обручальное кольцо, его жена Ефросиния, передала свёкру и свекрови в память об их единственном сыне.

В годы немецкой оккупации, пользуясь лояльным отношением городской власти к церкви и духовенству, Константин Ананьевич вместе с восемью священниками, которые находились в Мариуполе, организовывал духовную жизнь в городе. Он был избран духовником всего духовенства Мариуполя и округа [1, с. 4]. Именно ему предложили занять место священника в греческой церкви, которая была открыта в конце 1942 года в старом доме на Гамперском спуске. Но его желанию не пришлось осуществиться. Будучи в преклонном возрасте, Агапьевы умерли от голода в оккупированном Мариуполе, так и не обменяв на продукты то самое золотое кольцо, которое когда-то принадлежало их сыну [10, с.465].

Использованные источники

1. Маріюпільська газета. – Мариуполь, 1943. – 28 января. – 4 с.
2. Ревизская сказка церковно- и священнослужителей Мариуполя и уезда. 1782 г. – МКМ. – Фонды. – 3464-Д.
3. Справочная книга Екатеринославской епархии. – Екатеринослав, 1908 – 1103 с.
4. «Азовские греки» [Электронный ресурс]: [Сайт]. – Режим доступа: http://www.azovgreeks.com/gendbmvc/agdb.cfm?page_id=vmem&id=15983&fam_id=5816
5. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный – Екатеринослав, 1895. – Выпуск 12 – 15 июня. – 300 с.
6. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный – Екатеринослав, 1902. – Выпуск 32. – 11 ноября. – 890 с.
7. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. – Екатеринослав, 1914 – 488 с.
8. МКМ. – Фонды. – 8562-Ф.
9. МКМ. – Фонды. – 1410-Н.
10. Лебедева В. П., Узбек Е. А., Дзюбенко Н. А. Мы есть. Мы были. Будем мы. «Греческая операция» НКВД в Харькове. – Харьков: Тимченко А. Н., 2009 – 672 с.

Александр Чернов

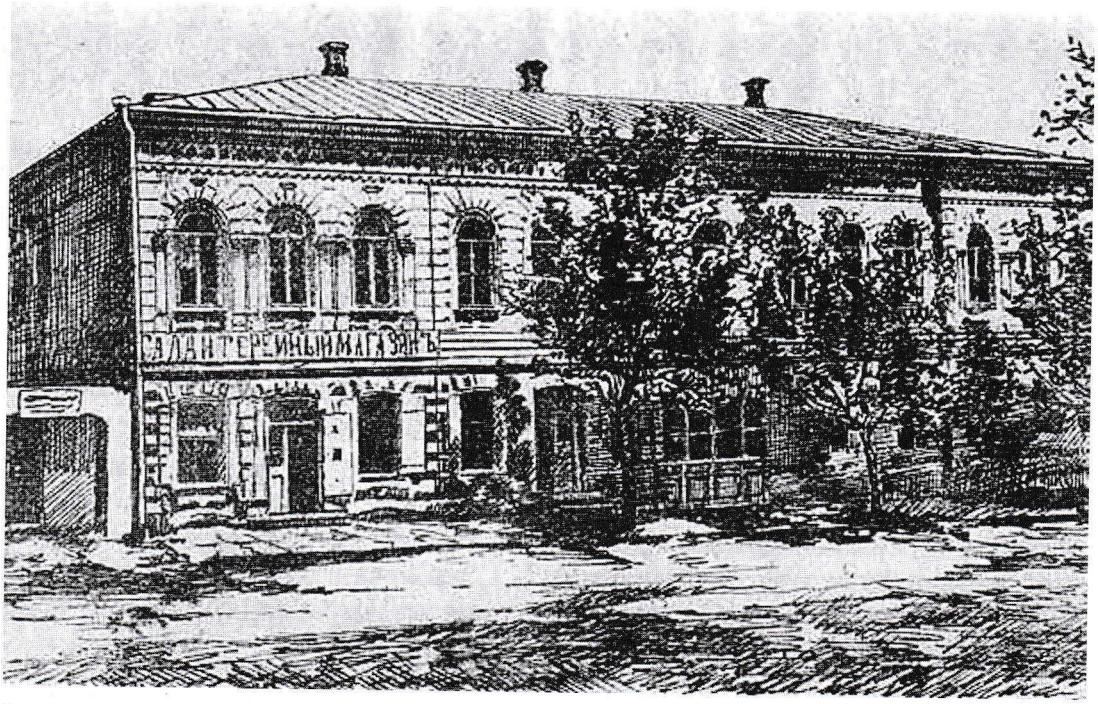
ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА МАРИУПОЛЯ 1870-1920-х гг.

В середине 19 века в Мариуполе было крайне мало заведений, где можно было получить хоть какое-то образование. Работало Мариупольское уездное духовное училище, а также кратковременно открывались частные школы, где обучалось по 5-10 детей. Единственным учебным заведением, где преподавалось рисование и черчение было приходское греческое училище. Было оно двухклассным с четырехлетним сроком обучения [1, с. 97] Так что, среди четырех учителей этого заведения, одного можно считать первым учителем рисования в Мариуполе. К сожалению, история не сохранила для потомков ни имени, ни фамилии этого человека. А вот дальнейшая история учебных заведений города была более благосклонной.

Завьялов Николай Иванович (1858-1896)

Уроженец Мариуполя, Архип Иванович Куинджи, уже прославил свое имя в столице Российской империи, когда в 1876 году Феоктист Аврамович Хартахай (1836-1880) основал в Мариуполе Александровскую мужскую гимназию.

Несколько слов о самой гимназии. В 1890-е годы это было хорошо организованное учебное заведение с фундаментальной библиотекой в 14 тыс. томов, с историко-церковно-археологическим музеем, многочисленными музыкальными инструментами, прекрасным рисовальным кабинетом и, наконец, высокообразованным педагогическим коллективом. Местную интеллектуальную элиту готовили выпускники С.-Петербургского, Варшавского, Новороссийского университетов.



Мариупольская мужская гимназия. Рисунок Н.И. Завьялова. 1892 г.

С 1878 года в гимназии преподавал чистописание и рисование выпускник Строгановского художественного училища Николай Иванович Завьялов.

Впоследствии он будет преподавать эти предметы и в Мариинской женской гимназии.

13 января 1880 года молодой преподаватель женился на родной сестре Дмитрия Власьевича Айналова[1] Анне (1859-1933) [2], старшей из сестер, окончившей фельдшерско-акушерские курсы при Тартусском университете. Венчание проходило в мариупольской церкви Рождества Богородицы. Интересно, что свидетелем со стороны жениха были директор Мариупольской гимназии Ф. Хартахай и учитель С. Другов, со стороны невесты – учителя гимназии Иван Балванович и Симеон Марков. В 1888 году у них родилась дочь Елена. Николай Иванович к этому времени

Рисунки Н.И. Завьялова из книги «Мариуполь и его окрестности». 1892 г.

служил уже в чине надворного советника.

В 1892 году, благодаря усилиям преподавателей гимназии, вышла книга «Мариуполь и его окрестности» [3]. Это было капитальное исследование истории Мариуполя и края, ставшее настольной книгой для многих поколений краеведов. Так вот, оформил и иллюстрировал книгу Н.И. Завьялов. В книге более десяти его рисунков, где запечатлены портрет митрополита Игнатия, церкви, духовное училище, виды Мариуполя.

[1] Айналов Д.В. (1862-1939) – Родился в греческой семье в Мариуполе, умер в Ленинграде. Выпускник Мариупольской Александровской мужской гимназии. Выдающийся российский и советский историк искусств, один из крупнейших исследователей культуры Византии, Древней Руси и итальянского Возрождения, профессор Казанского, Санкт-Петербургского университетов и Высших женских курсов, член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1914), автор многочисленных книг и научных статей. В 1922-1929 годы работал в Эрмитаже.

Карьера Н.И. Завьялова складывалась очень удачно – 1 января 1893 года он был награжден орденом св. Станислава 3 степени. В 1894 году был произведен в чин статского советника и награжден орденом св. Анны 3-й степени. К сожалению, судьбой ему был отпущен малый жизненный срок. 1 апреля 1896 году в возрасте 38 лет он умер от воспаления легких. Отпевали Николая Ивановичя в Харлампиевском соборе, а похоронен он был на городском кладбище в Мариуполе. В похоронах учителя принимала участие и гимназия, выделив на это печальное событие в помощь семье 200 рублей [2; 4].

Мартынович Александр Сергеевич (1866-1930-е)

Сведений о А.С. Мартыновиче до последнего времени было крайне мало, однако, благодаря исследованиям одесских историков и искусствоведов удалось в общих чертах восстановить биографию художника, связавшего свою жизнь и с Мариуполем.

Родился А.С. Мартынович 13 марта 1866 года в селе Исаево Херсонской губернии. С 1885 по 1889 годы учился в Одесской рисовальной школе, затем поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге, которую окончил в 1894 году со званием неклассного художника [5, с. 191]. Еще, будучи студентом Академии, в 1893 году Александр Сергеевич стал членом Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ) и впервые принял участие в IV (1893) выставке этого художественного объединения в Одессе. На следующий год художник стал экспонентом уже V (1894) выставки товарищества, которая была передвижной и прошла в Харькове и Москве. Среди участников – Айвазовский, Алексомати, Буковецкий, Костанди, Ладыженский, Левченко, Нилус, Пастернак и другие [5, с. 31-32]. Впервые в прессе были отмечены работы Мартыновича [6].

В конце 1895 года Александр Сергеевич приезжает в Мариуполь и устраивается учителем чистописания и рисования в Мариинской женской гимназии. Известна дата, когда он приступил к работе – 23 ноября [7, с. 43]. До этого, правда, была Сызрань, где он недолго работал учителем рисования в одном из средних учебных заведений города [5, с. 191].

В 1906 году в Мариуполе открылось Реальное училище В.И. Гиацинтова, куда также был приглашен Мартынович в качестве учителя рисования. Приходилось уже совмещать работу в двух учебных заведениях. Выпускник Петербургской Академии художеств в Мариуполе, помимо уроков, писал картины и вел дополнительные занятия для талантливой молодежи. Среди учеников первого выпуска училища был известный в будущем советский скульптор В.А. Синайский.

Не забывая о том, что он является членом Товарищества южнорусских художников, Мартынович продолжает участвовать в выставках ТЮРХа. Это были VII (1896), VIII (1897), IX (1898) и XIII (1902) выставки [5, с. 40, 42, 44, 58].

В 1915 году Мартынович вернулся в Одессу и продолжил преподавательскую деятельность в качестве учителя рисования, черчения и чистописания в реальном училище Общества взаимного вспомоществования приказчиков. Тут он вновь становится участником ежегодных выставок ТЮРХа (1916-1919), 1-й народной выставки 1919 года, выставки картин краеведческого характера (1928). [5, с. 93, 96-98, 100, 102].

Летом 1922 года деятельность ТЮРХа прекратилась, что во многом было обусловлено отъездом его ведущих деятелей (П.А. Нилуса, Н.Д. Кузнецова, Б.В. Эдуардса, П.П. Ганского) за рубеж. В том же году было создано «Художественное общество им. К.К. Костанди», костяк которого составили члены ТЮРХа. В 1924 году в состав общества вошел и Александр Сергеевич Мартынович. Общество самоликвидировалось в 1929 году, так как стало подвергаться обвинениям

в отсутствии «идеологической платформы», «живой и современной тематики», «индивидуализме», оторванности от жизни и безыдейности; художников называли «мастерами вчерашнего дня» [22].

Интересный факт: в 1927 году многие члены Общества участвовали во Всеукраинской юбилейной выставке «10 лет Октября», которая прошла в городах: Харькове, Киеве, Одессе, Днепропетровске, Луганске, Донецке, Макеевке и в Мариуполе. Среди экспонентов А.С. Мартынович не значился [7], хотя в 1926 году он был среди участников выставки «Художественного общества им. К.К. Костанди», которая прошла в Одессе [8].

Какой след оставил Александр Сергеевич в художественной жизни Мариуполя? Прожил здесь он почти двадцать лет (1895-1915). В городе при его жизни прошла 1-я выставка картин и рисунков мариупольских учителей рисования и любителей. Это было в конце декабря 1914 – начале января 1915 года в здании реального училища В.И. Гиацинтова. Скорее всего, это была его инициатива. К сожалению, каталог тогда не издали. Возможно, работы А.С. Мартыновича до сих пор еще висят в старых купеческих домах Мариуполя и ждут своего открытия. Мы же можем довольствоваться оценкой его работ тогдашними критиками. Причем оценки были прямо противоположными – от восторженных до уничижительных. Вот что писал некто А. Плетнев о картине Мартыновича «Тихий вечер», по мнению автора, – шедевре XXV выставки ТЮРХа: *«Посмотрите на эти отдельные листики на деревьях, розовеющие под лучами солнца. А трава, а стволы деревьев! Прекрасно, восхитительно, а главное, – верно»*[23].

Совершенно другая оценка у Н.И. Скроцкого: *«Порой весьма курьезно и очень громко проявляется энтузиазм "знатоков". Например, некий господин видит на выставке откровения только в творчестве другого господина (Мартыновича), пишущего дюжинами и подписывающего своим именем убогие картинки для магазина Гезелле, где эти "откровения" продаются поштучно по два рубля...»*[24]. Правда другие критики в фактах продажи картин, в том числе и Мартыновича, видели успех выставки и ее благотворительность [25].

Шла Первая мировая война... На дворе был 1915 год – Мартынович вернулся в Одессу после Мариуполя и, возможно, некоторые картины показанные на XXV выставке ТЮРХа, он писал еще в Приазовье.

Тарасов Василий Петрович (1870-е-1937?)

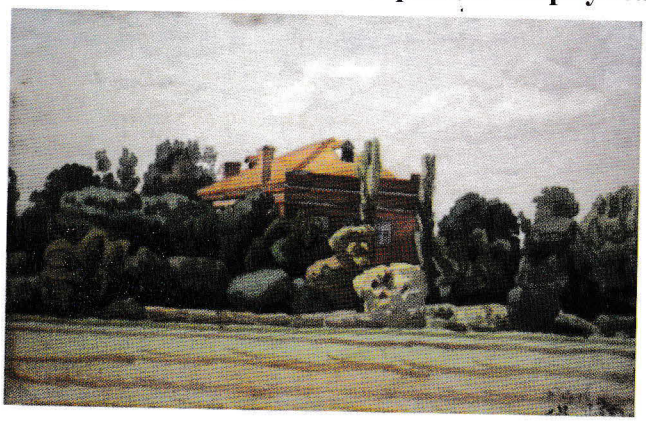
В 1900-1920-е годы в Мариуполе работала популярная художественная студия Василия Петровича Тарасова – учителя рисования Александровской мужской гимназии.

К сожалению, обычных, «протокольных» фактов биографии Тарасова установить не удалось. Можно предположить, что прибыл он в Мариуполь в 1896 году на место умершего преподавателя рисования Александровской мужской гимназии Н.И. Завьялова и проработал там вплоть до закрытия гимназии в 1919 году. Затем уже в 1920-е годы вел изостудию, возможно, у себя дома. Во времена НЭПа это позволялось.

Из скупых строк объявлений в газете «Мариупольская жизнь», можно сделать вывод, что В.П. Тарасов был одним из организаторов трех художественных выставок в Мариуполе в 1914-1916 годах [9; 10]. После третьей выставки был удостоен оценки своих работ в газете «Мариупольская жизнь». Просто и незамысловато неизвестный автор писал: *«Хороши некоторые этюды г. Тарасова похожестью и сочностью красок, жизнерадостным колоритом – «Золотая осень», «К вечеру», «Ясный день» и другие. Изящен «Бережок моря», где чувствуется умелость, как в отношении колорита, так и техники. Г. Тарасов любит природу и добросовестно передает ее, не брезгуя подробностями, передавая иногда каждый штрих...»* [11].

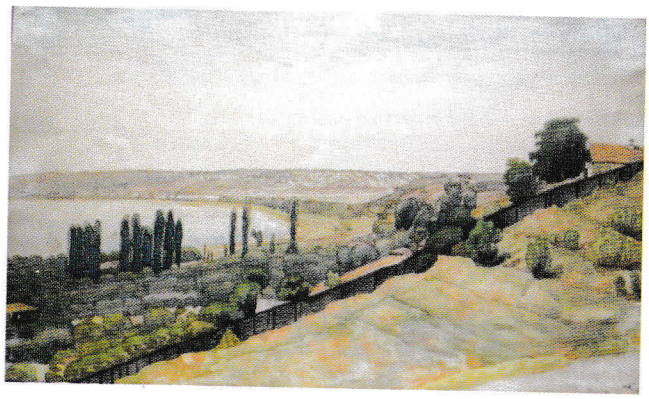
В.П. ТАРАСОВ

(работы из фондов Мариупольского краеведческого музея)

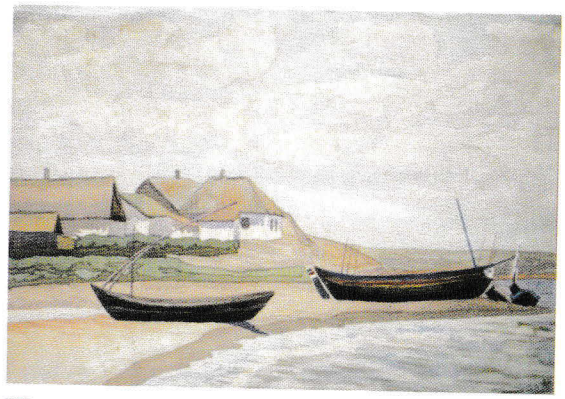


Больница. 28.07.1929 г. Б., акв. 16х25

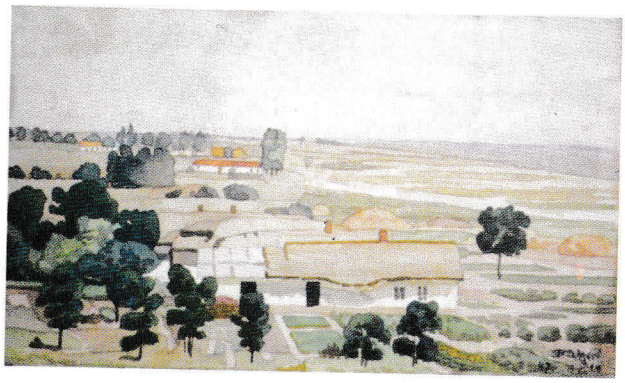
Дача. 19.06.1929 г. Б., акв. 15,9х25,9



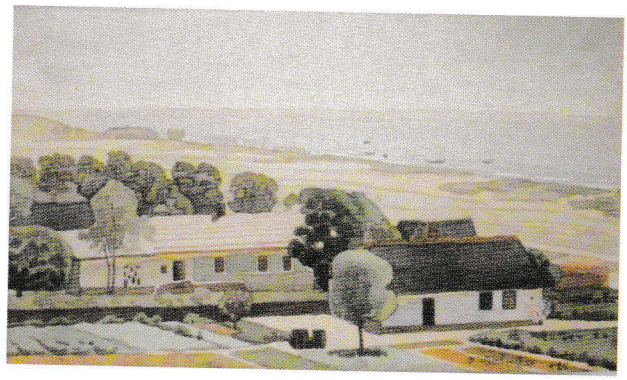
Утро. Вид на порт от Горсада
Б., акв. 25,8х43,8



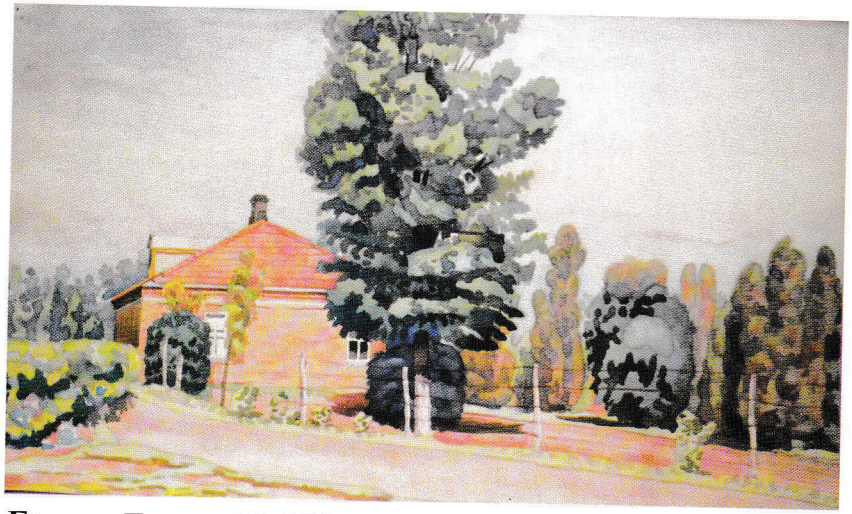
Пасмурный день. Остров у поселка Ляпино. Б., акв. 28,8х41,3



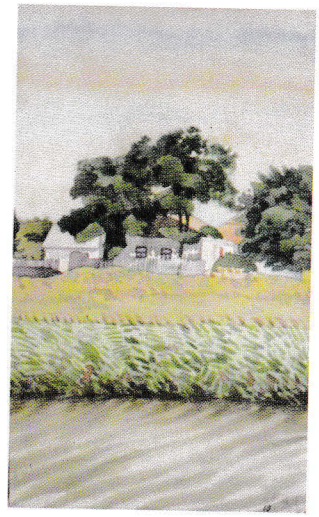
Вид на поселок Ляпино. 19.08.1929 г.
Б., акв. 15,4х26,2



В Терновой балке.18.08.1929 г.
Б., акв. 15,4х26,7



Горсад. Б., акв. 23,5Х40,5

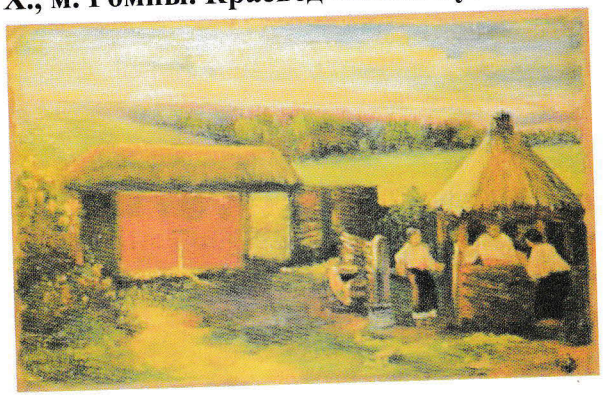


День. 4.09.1931 г.
Б., акв. 25,8х15,3

Е.П. МИНЮРА

Портрет И.Н. Васильченко. 1919 г.
Х., м. Ромны. Краеведческий музей

Пейзаж. Х., м. 57х90

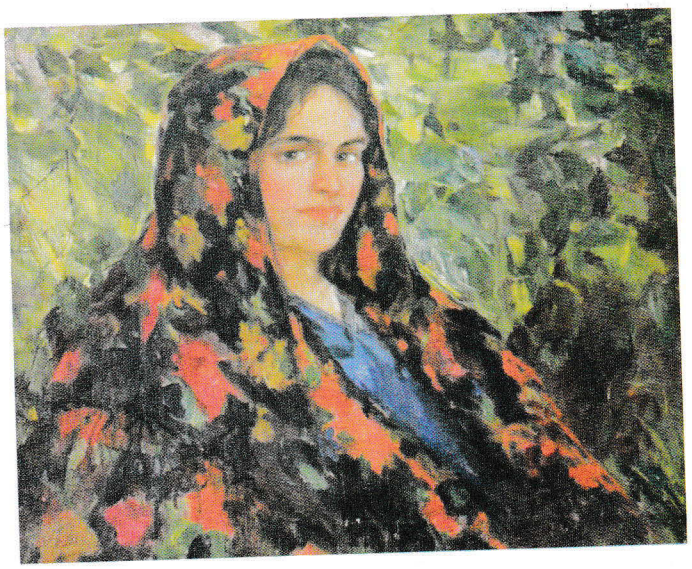


Без названия. 1923 г. Дер., м. 38х55.
Собр. В.О. Скульской. Харьков

Этюд. ок. 1918 г.

А.Е. ПЕТУСЬ

Портрет жены



Женский портрет

Известно, что Василий Петрович был опытный педагог и неплохой портретист. Так, по воспоминаниям мариупольского художника Леля Николаевича Кузьминкова, в их семье до войны хранился портрет его тети, написанный Тарасовым. Со слов Леля Николаевича, его тетушка имела способности к рисованию и ходила в студию учителя гимназии. В памяти старого художника сохранились довольно высокие художественные качества портрета. К сожалению, во время войны он пропал.

А вот другая ученица, Ирина Евгеньевна Ребрик, сумела сохранить небольшой мариупольский пейзаж В.П. Тарасова «Дом на Слободке» (ок. 1929 г.). Уверенной, профессиональной рукой художник запечатлел уголок старого Мариуполя. Художественные качества этой небольшой работы, говорят о незаурядном таланте преподавателя гимназии.

Дочь известного востоковеда и переводчика произведений Омара Хаяма, Фирдуоси и Низами, Евгения Филипповича Ребрика, до последних дней бережно хранила эту реликвию в своей квартире на улице Зелинского в Мариуполе, а прожила она без малого 100 лет.

Из воспоминаний Ирины Евгеньевны следовало, что ее любимый учитель изобразил уголок мариупольской Слободки, где находился и их дедовский дом (Первая улица Слободки, 63). Примечательно, что отец Ирины Евгеньевны, Евгений Филиппович, в 1905 году окончил Александровскую гимназию, где и преподавал рисование В.П. Тарасов. А спустя четверть века уже его дочь брала уроки рисования у известного мариупольского педагога.

В студии В.П. Тарасова занималась талантливая молодежь, проводились выставки детских рисунков. У Тарасова был особый дар разглядеть талант и одаренность своих питомцев. Он умел наставить их на путь истинный. Некоторые из его учеников стали известными художниками, а в настоящее время их работы украшают музеи Украины, России, США, Канады. Это известный советский график Александр Павлович Могилевский (1885-1980), один из столпов американского монументализма Виктор Михайлович Арнаутов (1896-1979), замечательный украинский живописец Самуил Абрамович Кручаков (1905-1969). Также «школу Тарасова» прошел величайший танцор и хореограф Александр Семенович Сахаров.

В фондах Мариупольского художественного музея им. А.И. Куинджи хранятся около 40 акварелей В.П. Тарасова с видами Мариуполя и его окрестностей. Практически все работы подписаны и датированы, самая ранняя – 1927, самая поздняя – 1937 годом. Возможно, молох кровавых репрессий не обошел стороной бывшего «царского интеллигента», так как зловещий 1937 год – последнее упоминание о Василии Петровиче.

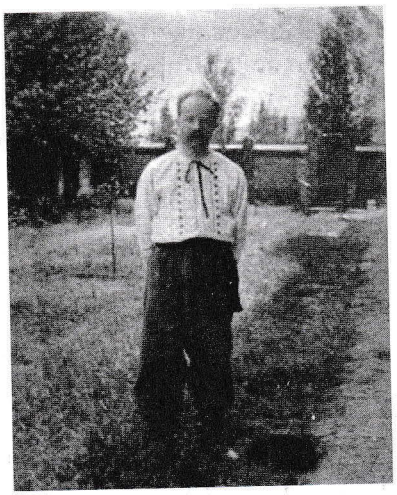
На многочисленных акварелях Тарасова можно увидеть уголки и панорамы купеческого Мариуполя, реку Кальчик, побережье Азовского моря. Многие пейзажи с тех пор изменились до неузнаваемости и ценны уже тем, что доносят до нас дух той эпохи и исчезнувшие ландшафты. Если пейзажи мастера 1910-х годов отличались тщательной проработкой и детализацией, если верить критику из газеты «Мариупольская жизнь», то работы 1920-1930-х годов претерпевают заметное изменение – художник больше тяготеет к обобщению, к локализации красочных пятен, к деликатному отношению тонов.

Можно уверенно констатировать, что Василий Петрович Тарасов внес неоценимый вклад в развитие искусства Мариуполя своей преподавательской деятельностью и его можно причислить к одним из самых значительных изографов Мариуполя первой половины 20-го века.

Минюра Евдоким Петрович (1880-1963)

В предреволюционные годы в частной женской гимназии Н.С. Дарий в Мариуполе преподавал рисование выпускник Киевского художественного училища

Евдоким Петрович Минюра.



Е.П. Минюра

Уроженец села Ревутинцы Черниговской губернии в 1911 году окончил столичное заведение и получил направление в Мариуполь. Учителями у 31-летнего выпускника были известные живописцы А. Мурашко, Н. Пимоненко, И. Селезнев.

Еще занимаясь в училище, Минюра принял участие в ряде выставок («Мир искусств» в 1908-1909 годы, выставка художников-киевлян в 1910 году). В Мариуполе художник работал недолго. Известно, что уже в 1924 году он переехал в Харьков, а до этого еще успел поработать в городе Ромны. Однако, точно известно, что в 1916 году в Мариуполе у него состоялась персональная выставка, где художник продемонстрировал более 100 работ [12].

Основной жанр, которому Минюра был привержен всю свою творческую деятельность, был пейзаж. В Мариуполе он пишет пейзажи, столь не характерные для его родных мест («Степь около Азовского моря», 1913), с интересом знакомится с жизнью и бытом азовских рыбаков («Хата рыбака», 1912) [13].

Покинул Мариуполь Евдоким Петрович, возможно, в 1917 или 1918 году. Уже в 1919 году он написал портрет И.Н. Васильченко, который хранится в краеведческом музее города Ромны, а как я уже упоминал, после Мариуполя художник переехал как раз в Ромны, где, вероятно, и написал этот портрет.

Петусь Андрей Ефимович (1884-1958)

Андрей Ефимович Петусь приехал в Мариуполь в 1914 или 1915 году после окончания Киевского художественного училища. Поступил в это художественное заведение Андрей в 1910 году вначале свободным слушателем, а через год стал его студентом. Его учителем был известный живописец Федор Кричевский. В то время там преподавали такие выдающиеся мастера как Николай Пимоненко, Владимир Менк, Фотий Красицкий, Григорий Дядченко. Уже в ранних работах молодого художника («Портрет девушки», «Портрет сестры», оба 1912 год), написанных в яркой, декоративной манере было видно, какое влияние оказал на его творчество Ф. Кричевский.

В 1913-1914 годах Андрей параллельно с учебой в художественном училище посещает частную художественную студию Александра Мурашко. Прекрасный рисовальщик и колорист оказал огромное влияние на становление молодого художника и его увлечение графикой. Об этом свидетельствуют его женские пастельные портреты («Леся», 1917 год, «Оксана», «Наталка» оба 1924 года)

А.Е. Петусь (крайний справа) с учителями гимназии Н.С. Дарий

В Мариуполе А.Е. Петусь работал вначале учителем рисования в женской гимназии Н.С. Дарий (с 1915 по 1920 год). Затем учителем рисования в 5-ой трудовой школе им. Т.Г. Шевченко и, одновременно, заведующим художественной мастерской Мариупольского уездного музея (с 1920

по 25 мая 1922 года).

В это же время художник по заданию городских властей выполняет наглядную агитацию, пишет портреты вождей, писателей. А в 1920 году Петусь иллюстрирует книгу Т.Г. Шевченко «Малый кобзарь» [14], впервые изданную в Донбассе на украинском языке. Напечатана книга в мариупольской типографии. Экземпляры данной книги хранятся в фондах Музея Т.Г. Шевченко в Киеве [15, с. 3] и в

Иллюстрации А.Е. Петуся в книге Т.Г. Шевченко «Малый кобзарь». 1920 г.

Мариупольском краеведческом музее. В сборнике – рисунки художника: портрет Тараса Григорьевича, хата, где он родился, его могила над Днепром в Каневе.

В Мариуполе судьба сводит Андрея с выпускницей высших женских Бестужевских курсов Зоей Данилевич, которая тоже преподавала в женской гимназии Н.С. Дарий. В 1916 году молодые люди венчаются в Чернигове. Высокообразованная, духовно богатая женщина становится музой в его творчестве. В творческом багаже художника есть несколько портретов жены [16].

В момент приезда А.Е. Петуся в Мариуполь, здесь действовал кружок учителей рисования, организовывались художественные выставки (1915-1918 годы) [15, с. 3]. Возможно, здесь речь идет о студии изобразительных искусств при отделе народного образования, о которой в своей автобиографии пишет и С.А. Кручаков. И тогда временные рамки работы вышеупомянутой студии можно очертить 1915-1922 годами.

В 1922 году А.Е. Петусь переезжает в Чернигов, где продолжает активно работать. В 1927 году основал и возглавил Черниговский филиал ассоциации художников Красной Украины. Своим творчеством он способствовал возрождению художественных традиций Черниговщины наряду с такими художниками как А. Мордовец, А. Шкурко, М. Прокопюк [17].

В 2014 году в Черниговском художественном музее состоялась персональная выставка А.Е. Петуся к его 130-летию. В экспозиции были работы и «мариупольского» периода – «Околица Мариуполя», «Портрет жены» [18].

Цыпин Г.С. (1880-е - ?)

Из многочисленных рекламных объявлений в газете «Мариупольская жизнь» за 1911-1912 годы [19, с. 1] известно, что в городе работал как художник, обучал рисованию и живописи выпускник художественного училища Г.С. Цыпин. Можно предположить, что окончил художник отделение декоративно-прикладного искусства, так как в своих объявлениях он предлагал обучение росписи «по бархату, атласу и проч.» [20, с. 4]. Также принимал заказы на портреты маслом и тушью. Обучение проходило по улице Митрополитской, 18 (дом Эйдинова, верхний этаж).

Какой след в художественной жизни Мариуполя оставил этот мастер установить, к сожалению, не удалось.

Лащилин Николай Аркадьевич (рубеж1870-х - ?)

Об этом художнике-преподавателе сведений сохранилось не много. Известно, что в 1894 году Николай Аркадьевич Лащилин окончил Московское Строгановское художественное училище со званием ученый-рисовальщик и был направлен в Дриссенское двуклассное училище в качестве учителя рисования и чистописания [26]. В Мариуполь Николай Аркадьевич приехал летом 1900 года и уже 15 августа в чине губернского советника поступил на службу в Мариинскую женскую гимназию учителем рисования и чистописания [27, с. 43]. К этому времени, а точнее к 1902 году, гимназия имела «особое прекрасное помещение» для ведения уроков рисования с более чем двумястами моделями [27, с. 7]. Черчение и рисование были обязательными предметами для всех учениц, кроме подготовительного класса. Причем, эти уроки велись без особой платы [27, с. 33].

Сколько времени провел Н.А. Лащилин в Мариуполе точно неизвестно, однако, в Екатеринославском адрес-календаре за 1916 год он еще значится как преподаватель Мариупольской Мариинской женской гимназии.

Работал ли выпускник «строгановки» творчески? Вопрос остается открытым. Его имя не встречается в редких газетных отчетах о выставках того времени. Возможно, он и участвовал в них, однако, можно предположить, не отличался оригинальностью, а посему не был отмечен критиками.

Использованные источники

1. Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века (Текст): /Р.П. Божко, Т.Ю. Були, Н.Н Гашененко и др. – Изд. 2-е с измен. и доп. – Мариуполь, 2008. – 426 с.

2. Пирго М.Д. К 150-летию Д.В. Айналова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.azovgreeks.com/library.cfm

3. Мариуполь и его окрестности / Изд. Д.А. Хараджаева. – Мариуполь, 1892. – 461, 55, VIII с.

4. Мазур П. «Падишах-схолясы» – «Царская школа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old-mariupol.com.ua/padishax-sxolyasy—carskaya-shkola/

5. Товарищество южнорусских художников: биобиблиогр. справочник: в 2 ч. /сост.: В.А. Афанасьев, О.М. Барковская; Одес. нац. науч. б-ка им. М. Горького. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Одесса, 2014.

6. В.П. К-ов [Карпов В.П.]. Харьковская выставка товарищества южнорусских художников в Одессе // Южный край. – Х., 1894. – 19 дек.

7. Украинская ССР. Третья Осенняя выставка картин членов художественного общества им. К.К. Костанди. 1927 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.maslovka.org/modules.php? name=Content&pa=showpage&pid=689&page=9T

8. Украинская ССР. Вторая Осенняя выставка картин членов художественного общества им. К.К. Костанди.1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=681&page=4

9. Объявления. / Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1915. – 12 декабря – 1 с

10. Объявления. / Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1916. – 11 декабря – 1 с.

11. Семенов Меценатство. Выставочные впечатления. Фельетон. / Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1917. – 14 января. – 2 с.

12. Минюра Е.П.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uk.wikipedia.org/wiki/Мінюра_Євдоким_Петрович

13. Євдоким Петрович Мінюра. Каталог виставки творів. Вступ. Статья М.В. Черновой – Харков., 1961. – 64 с.

14. Шевченко Т. Маленький кобзарь. Збірка творів. – Маріуполь, «Кобзарь». – 1920. – 23 с.

15. Медведева В.Г. Слово про художника Андрія Юхимовича Петуся на вечері, присвяченому 90-річчю з дня його народження. 17 серпня 1974 р. – МКМ. – н/в 5505-сов. – С 2-8.

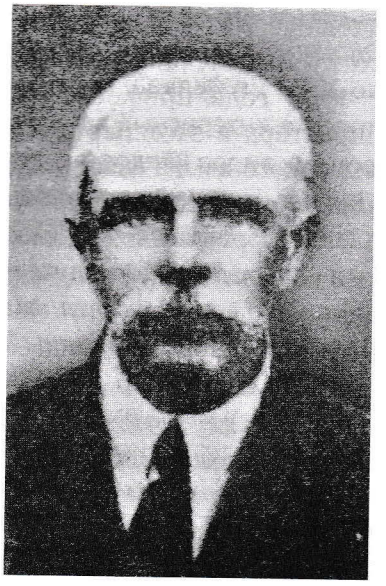
16. Андрій Юхимович Петусь (1884-1958). До 130-річчя від дня народження.– [Электронный

ресурс]. – Режим доступа::http://www.prostir.museum/ua/post/33857
17. Чернігівський художній музей. Автор-составитель В.Н. Величко. – К., Мистецтво. – 1988.
18. Кошмал В. Художественная выставка к 130-летию со дня рождения Андрея Петуся открылась в Чернигове.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://newvv.net/culture/Culture/235406.html?language=ru
19. Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1911. – 12 октября. – 4 с.
20. Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1912. – 24 ноября. – 4 с.
21.Отчет о состоянии Мариупольской Мариинской женской гимназии за 1902 гражданский год. – Мариуполь: Типография Э.И. Голдрин., 1903.
22. Художественное общество им. К.К.Костанди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artinvestment.ru/auctions/?c=97550&page=2
23. Плетнев А. На выставке // Одесский листок. – Одесса. – 1915. – 13 октября.
24. Скроцкий Н. Выставка т-ва южнорусских художников // Одесский листок. – Одесса. – 1915. – 23 октября.
25. М.Г. [Гершенфельд М.К.]. Закрытие выставки Т-ва южнорусских художников // Одесские новости. – 1915. – 16 ноября.
26. Памятная книжка Виленскаго учебного округа на 1895/1896 учебный год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/sasha/Downloads/92565(m18951896)%20(1).pdf
27. Отчет о состоянии Мариупольской Мариинской женской гимназии за 1902 гражданский год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.nplu.org/view.html?&id=3736

Ольга Шакула

МАРИУПОЛЬСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ СОЗДАТЕЛЯ УНИКАЛЬНОГО ГЕРБАРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ И.К. БОЙКО

В Институте ботаники им. Н.Г. Холодного НАН Украины, где хранится Национальный гербарии Украины, выявлена коллекция Иосифа Калинниковича Бойко. Она собрана на рубеже XIX-XX вв. в Северном Приазовье, в том числе в г. Мариуполе и его окрестностях. Коллекция, собранная с 1902 по 1933 годы, содержит более 3500 гербарных образцов, представляющих богатейший флористический материал. Гербарий включен в научный перечень коллекций «Index Herbariorum». Ему присвоен акроним KW, также он внесен в государственный реестр национального достояния Украины [1]. Гербарий И.К. Бойко – одна из самых первых и наиболее полных коллекций, представляющих флору Северного Приазовья. Наряду с ботаниками О.Л. Вержбицким, А.А. Янатой, А.В. Марковским, В.Г. Городецким И.К. Бойко был одним из первых исследователей флоры Северного Приазовья.



И.К. Бойко

Иосиф Калинникович Бойко родился 3 ноября 1872 года в семье коллежского асессора в г. Херсоне, где до 1893 года учился в 1-й мужской гимназии, получив классическое образование, без цикла естественнонаучных предметов.

После получения аттестата зрелости его зачислили на 1-й курс исторического отделения Нежинского историко-филологического института князя А.А. Безбородко, приравнивавшегося в те годы к университету. Там он получил высшее специальное и педагогическое образование. Однако всю жизнь он занимался и самообразованием по циклу естественных наук. По окончании обучения ему было присвоено звание учителя гимназии с обязательством служить не менее шести лет в ведомстве Министерства Народного просвещения.

С 15 августа 1897 года И.К. Бойко приступил к государственной службе преподавателем русского языка Преславской учительской семинарии Бердянского уезда и проработал в ней 5 лет. А летом 1899 года он же руководил и временными курсами русского языка в г. Бердянске для учителей немецких народных школ уезда. Начав службу, он все свое свободное время посвящал ботанике и занимался сбором гербарного материала. В чин коллежского асессора его произвели 6 апреля 1902 года, а со старшинством – 15 августа 1897 года [2, прил. 28].

15 августа 1902 года И.К. Бойко был переведен в Мариупольскую Александровскую мужскую гимназию преподавателем русского и латинского языков [2, с. 35]. Он был произведен в чин надворного советника 14 марта 1903 года [3, прил. 25]. 1 января 1905 года И.К. Бойко был пожалован орден Святого Станислава 3 степени [4, прил. 25]. Приказом Управления учебным округом по мужским и женским средним учебным заведениям И.К. Бойко был перемещён в гимназии на должность сверхштатного преподавателя истории и географии с 16 августа 1906 года. [5, с. 521].

Во время своей работы в Мариупольской Александровской мужской гимназии он неоднократно поощрялся единовременным денежным пособием за хорошую работу [4, с. 29]. Там же он был библиотекарем, выдававшим литературу ученикам, руководил играми с учениками младших классов. Вместе со своими коллегами учителем математики и естествознания В.В Рудевичем и агрономом А.В. Марковским И.К. Бойко определил и описал коллекцию минералов из 332 образцов, которая находилась в музейной комнате гимназии [3, с. 36; 4, с. 28]. Преподаватели И.К. Бойко и В.В. Рудевич с учениками 3 классов организовали и совершили естественно-географическую экскурсию по левобережью реки Кальмиус. Наставник И.К. Бойко организовал с учащимися 5 классов экспедицию в Великоанадольское лесничество по сбору гербария и природного материала для лучшего усвоения уроков естествознания [2, с. 23; 4, с. 21].

На протяжении четырёх лет, работая в Мариуполе, он осуществлял наблюдения за развитием растений и их сбор совместно с А.В. Марковским. Он был сотрудником проф. П.С. Коссовича (1862-1915 гг.) – русского агрохимика, почвоведа, с 1902 года профессора Петербургского лесного института и выборного его директора в этот период. Работал И.К. Бойко и с О.Л. Вержбицким – учителем немецкого языка Мариупольской Александровской мужской гимназии. Он являлся учеником профессора И.Ф. Шмальгаузена (1849-1894 гг.) – русского ботаника, члена-корреспондента Санкт-Петербургской АН (с 1893 г.), создателя гербария Императорского ботанического сада, профессора Киевского университета (с 1878 г.). Опыт изучения флоры Мариуполя у преподавателей гимназии уже был, а его результаты опубликованы в 1892 году в книге «Мариуполь и его окрестности». Автором раздела «Список растений» являлся О.Л. Вержбицкий [6, с. 47-55].

И.К. Бойко вместе с А.В. Марковским и О.Л. Вержбицким создаёт в стенах мужской гимназии гербарий Мариупольского уезда. В систематическом плане растения относятся к 65 родам 105 видам и 116 гербарным экземплярам высших сосудистых растений.

Общаясь с коллегами и учеными в этой области науки, И.К. Бойко и собрал уникальный гербарий Мариупольского уезда и других регионов.

Другом и коллегой И.К. Бойко был А.А. Яната (1888-1938 гг.) – агроном и ботаник, член Академии наук УССР, профессор сельскохозяйственного института в Харькове, организатор и глава Института прикладной ботаники и Института растениеводства, один из основателей «Украинского ботанического журнала». Он принимал участие в создании системы охраны природы и заповедного дела в Украине [7, с. 11-19]. Наибольшая часть гербарной коллекции И.К. Бойко была определена при поддержке А.А. Янаты, частично определена самим И.К. Бойко с проверкой А.А. Янатой. И.К. Бойко составил рукописное описание определенных

образцов гербария и подготовил к публикации. Но научный труд так и не был издан.

Гербарий, собранный в окрестностях г. Мариуполя в 1906 году (441 гербарный лист), был куплен Мариупольским краеведческим музеем в феврале 1950 году у вдовы М. Бойко, позже, из-за неудовлетворительной сохранности, – частично списан [8]. Часть этой коллекции из 130 листов в 1970-е годы была передана Донецкому ботаническому саду НАН Украины (DNZ), которая в 1980-х годах была размещена в определенном порядке в основном фонде гербарной коллекции [9, с. 9-14]. Часть гербарной коллекции Бердянского уезда, собранной до 1915 года, И.К. Бойко лично подарил Таврическому естественно-историческому музею (128 гербарных листов). В 1956 году эти образцы в составе всего гербария Симферопольского музея были переданы Никитскому ботаническому саду. В 1948 году вдова И.К. Бойко продала 800 гербарных листов Запорожскому краеведческому музею. Основная коллекция – 2355 гербарных листов – была подарена в 1970-е годы Институту ботаники им. Холодного АН УССР (KW) родственницей И.К. Бойко [10].

24 августа 1906 года И.К. Бойко назначают преподавателем русского языка в Ногайское реальное училище [5, с. 593], которое претерпело со временем ряд изменений. В марте 1909 года его как учёного ботаника избирают действительным членом Общества естествоиспытателей природы при Императорском Новороссийском Университете. Летом 1925 года ему предложили работу семеновода бахчевых культур в Ногайске на плантациях Всеукраинского общества семеноводства. По результатам этих работ И.К. Бойко издал в 1934 году книгу «Визначник кавунів» тиражом 3 тысячи экземпляров. Им было описано 172 сорта арбузов.

В этот период восстанавливают Ногайский сельскохозяйственный техникум, где он преподает, занимается просветительской деятельностью, популяризируя естественно-научные знания. Одновременно Иосиф Калинникович читает лекции на курсах переподготовки учителей в Преславе и Мелитополе. Дальнейшая биография И.К. Бойко малоизвестна.

Гербарий И. Бойко в XXI веке является ценнейшим научным материалом, одной из первых и наиболее полных коллекцией флоры Северного Приазовья.

Использованные источники

1. Гербарії України. / Редактор-укладач к.б.н. Н.М. Шиян – Київ: Альтерпрес, 2011. – 442 с.
2. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1902. – Мариуполь, 1903. – 107 с.
3. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1903. – Мариуполь, 1904. – 75 с.
4. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1904. – Мариуполь, 1905. – 81 с.
5. Циркуляр по Одесскому учебному округу. – Одесса, 1907. – 782 с.
6. Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь,1892 – 461 с.
7. Сіренко В.О., Грамма В.М., Шакула О.О. Матеріали до історії заповідної справи в Україні та створення і функціонування заповідника «Кам'яні Могили» // Кам'яні Могили – минуле та сучасність: Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 85-річному ювілею відділення Українського степового природного заповідника НАН України «Кам'яні Могили»/ Ред. Колегія: В.О. Сіренко (головний редактор), В.М. Грамма, Т.В. Нікуліна, О.О. Подпрятов, Н.М. Сіренко. – Донецьк: Ноулідж (донецьке відділення), 2012. – Вип.2 (Ч. 1). – С 11-19.
8. Инвентарная книга отдела природы МКМ. № 10. – 1950. – запись 3237. – С. 80.
9. Бурда Р.И., Гумеч В.С. Антропогенная трансформация урбанофлоры г. Жданова за последнее столетие // Интродукция и акклиматизация растений. – С. науч. Тр. – К.: Наук. думка – 1988. – Вып. 10. – С.9-14.
10. Шумилова А.В., Федорончук Н.С. Гербарий И.К. Бойко. – К.: Альтерпрес, 2013. – 188 с

Татьяна Були

ИНЖЕНЕР СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФЕТИСОВ

С.Г. Фетисов

В богатой биографической истории Мариуполя есть имена более значительные, есть менее известные, но о которых хотелось бы рассказать.

Каждому жителю нашего города знакомо имя легендарного сталевара Макара Мазая [6; 7]. Наверное, меньше людей знают о сути новаций М.Н. Мазая. И уж совсем не известны мариупольцам имена людей, которые стояли за рекордами М.Н. Мазая, делали сложные инженерные расчеты, просчитывая экономические возможности мартеновских печей. Одним из них был Сергей Георгиевич Фетисов, в середине 30-х годов работавший вначале сменным технологом, а затем заместителем начальника мартеновского цеха № 2 завода им. Ильича.

Сергей Георгиевич родился в 1902 году в Самаре. В 1920 году поступил на 1 курс горнозаводского факультета Петроградского горного института. С удовольствием Сергей Георгиевич вспоминал о годах учебы. Жил в общежитии. Время было тяжелое, голодное. Приходилось по ночам работать, разгружать железнодорожные составы. Учился успешно, о чем говорят его студенческая зачетная книжка, хранящаяся в фондах Мариупольского краеведческого музея. После окончания учебы он некоторое время работал в Петрограде.

В наш город С.Г. Фетисов приехал в 1934 году по приглашению своего товарища по студенческим годам Я. Шнеерова – начальника мартеновского цеха № 2 завода им. Ильича. Именно ему и техническому директору завода им. Ильича П.Я. Кравцову принадлежала идея реконструировать этот мартеновский цех. Работа была очень сложной. Необходимо было углубить ванны, увеличить техническую мощность печей, переоборудовать крановое и ковшевое хозяйство. Такой огромный объём был под силу слаженному коллективу людей: рабочих, инженеров, технологов. Человеком, который просчитывал инженерную часть проекта, был Сергей Георгиевич Фетисов – прекрасный специалист, высокий профессионал.

Хронология событий, связанных с мазаевскими рекордами, была следующей. В 1935 году прошла отраслевая конференция предприятий черной металлургии, на которой были установлены технические нормы для мартеновских цехов. Завод им. Ильича к этому времени был уже старым, обладал рядом конструктивных недостатков, поэтому добиться выполнения новых нормативов без реконструкции было невозможно. Тогда П.Я. Кравцов поручает подготовить проект предложений по реконструкции мартеновского цеха № 2. Непосредственными исполнителями проекта были Я. Шнееров и С. Фетисов. Шнееров руководил организационной стороной дела, Фетисов готовил инженерную часть проекта.

Работа эта началась в октябре 1935 года. Не утомляя читателей техническими моментами и специальной терминологией, скажу лишь о том, что спорным и принципиально важным был вопрос о нормах загрузки на 1 квадратный метр пода печи. На съезде мартеновцев США рекомендовалось увеличить загрузку с 2 до 2,5 тонн. Практика других стран тоже не превышала этих цифр. На наших заводах, за

небольшим исключением, загрузка составляла от 2 до 3 тонн [5, с. 11-12]. С.Г. Фетисов тщательно просчитал и доказал возможность работы с нагрузками на под печи равными 4,0 тоннам и выше. Показал возможность на ходу, путём сравнительно небольших затрат, произвести техническую подготовку цеха и печей к работе с большими нагрузками на под. В своём расчете Сергей Георгиевич доказал несостоятельность опасения влияния перегруза печей на качество выплавляемого металла. Эти расчеты были уникальны и не имели аналогов в мире.

Теоретическая часть проекта была закончена к маю 1936 года. Следующий этап с мая по октябрь явился временем освоения работы с увеличенными плавками. В конце октября 1936 года по инициативе сталевара цеха № 2 завода им. Ильича Макара Мазая началось социалистическое соревнование сталеваров по Союзу. За 2 месяца соревнования (с 25 октября по 25 декабря 1936 года), предшествовавших Донецкому областному слёту сталеваров, Мазай имел съём в 12,26 тонн с 1 квадратного метра пода печи, сталевар Лозин достигал съёмов в 10,19 тонн, сталевары Шашкин, Неделько, Тюляков, Чайкин, Шкарабура, Зинкович, Катрич давали съёмы от 8,5 до 9,5 тонн. А все двадцать сталеваров мартеновского цеха № 2 имели съём стали выше новых технических норм своих печей. Таким образом была показана возможность работы на протяжении длительного времени с высокими съёмами. Эксперимент закончился удачно [1, с.162; 3, с. 89-91].

За опытом работы в цех № 2 стали приезжать сталевары всей страны. Вскоре вышла книга М.Н. Мазая «Мой опыт работы» [4]. Сергей Георгиевич Фетисов утверждал (в личной беседе), что материалы книги были подготовлены и отредактированы им. Инженеры, готовившие эксперимент, оставались в тени. Правда, в 1937 году в журнале «Сталь» (№ 4-5) была напечатана статья С.Г. Фетисова и Я. Шнеерова «Технологическая и организационная подготовка рекордов сталевара Макара Мазая» [8]. Этот номер журнала представлен в экспозиции краеведческого музея.

Долгие годы в многочисленной краеведческой литературе имена руководителей завода, ведущих инженеров совершенно не указывались. Этому можно найти объяснение: таковым было требование идеологии того времени. Стране нужны были герои: рабочие, колхозники. О них писали в центральных газетах, их фотографии печатали в журналах. Имена таких людей были на слуху. К интеллигенции относились довольно осторожно. Кроме того, уже начались политические репрессии. В 1938 году были объявлены врагами народа и арестованы Н.В. Радин – директор завода им. Ильича и П.Я. Кравцов – технический директор, начавший громадную работу по реконструкции устаревших цехов завода. Долгие годы на упоминание этих имён было наложено «табу».

Сергей Георгиевич Фетисов в этой «мясорубке» уцелел. Из личных бесед с ним у меня сложилось впечатление, что он был очень осторожным человеком, трезво оценивал окружающую действительность и не лез на рожон. После ареста П.Я. Кравцова новый директор завода А.Ф. Гармашов предлагал С.Г. Фетисову более высокую должность (во всяком случае, так об этом рассказывал спустя много лет Сергей Георгиевич), Фетисов отказался. Время было такое: быть на виду – опасно для жизни.

К этому времени М.Н. Мазай уже учился в Промышленной Академии. Вскоре началась война. Макар Никитович Мазай был расстрелян фашистами за отказ работать на них. С.Г. Фетисов с 1941 года работал в эвакуации. В Мариуполь он вернулся в декабре 1945 года и был назначен начальником металлургической лаборатории в отделе главного металлурга. С 1948 года и до пенсии Сергей Георгиевич возглавлял один из отделов научно-исследовательского института «Прометей» [2]. В 1952 году он защитил диссертацию по теме «Химическая неоднородность жидкой стали в ковше и мера её предупреждения». Фетисов был автором многих интересных изобретений. Его дипломы и авторские свидетельства

хранятся в фондах Мариупольского краеведческого музея.

Умер С.Г. Фетисов в 1999 году в весьма преклонном возрасте, но до последних дней сохранил ясный ум и прекрасную память.

Использованные источники

1. Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века (Текст): /Р.П. Божко, Т.Ю. Були, Н.Н Гашененко и др. – Изд. 2-е с измен. и доп. – Мариуполь, 2008. – 426 с.
2. Буров С. Из жизни Сергея Фетисова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilich.in.ua/news.php?id=13188
3. Грушевский Д. Имени Ильича. – Донецк: «Донбасс», 1966. – 190 с.
4. Мазай М. Мой опыт работы. – Мариуполь, 1937.
5. Пильник М.Е., Ойс Г.Н. Опыт работы Мазая. Московский институт стали им. И. Сталина. – Москва-Ленинград, 1937. – 60 с.
6. Северов П. Очерк. Макар Мазай. – Донецк: «Донбасс», 1970. – 124 с.
7. Северов П. Макар Мазай. – Киев: «Веселка», 1973. – 140 с.
8. Фетисов С., Шнееров Я. Технологическая и организационная подготовка рекордов сталевара Макара Мазая // Сталь. – Москва, 1937. – № 4-5. – С. 17-33.

Евгений Тарасенко

О НАДПИСИ НА ГОРЕ «ОСТРАЯ» В ЗАПОВЕДНИКЕ «КАМЕННЫЕ МОГИЛЫ»

В последние годы в ряде СМИ Донецкой области, включая Интернет-издания, появились публикации о надписи на камне, обнаруженной в заповеднике «Каменные Могилы». При этом приводятся прорисовки надписи [1, с. 233] и даются ее интерпретации, которые носят, на наш взгляд, совершенно фантастический характер [1, 2]. Показательна в этом смысле статья А. Белика [2], связывающая эту выполненную кириллицей (по мнению самого же автора статьи) надпись с варягами, античными греками и даже с атлантами (!), часть которых после гибели Атлантиды, возможно, *«...сумела спастись, и поселилась на необжитых, но плодородных приазовских землях...»* [2].

В соответствии с устным сообщением заведующего отделением «Каменные Могилы» Украинского степного природного заповедника В.А. Сиренко, надпись была обнаружена 29 марта 1992 года при проведении фотосъемки для «Летописи

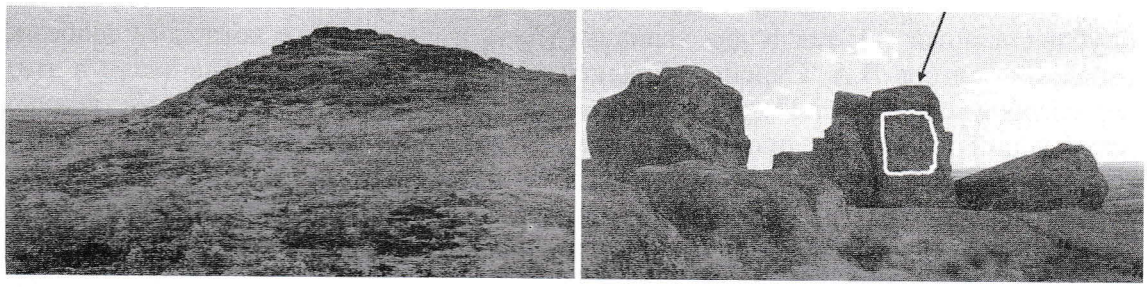


Рис.1. Расположение надписи (фото М.Е. Тарасенко. 15.08.2013 г.): а) гора Острая; б) расположение надписи (оконтурена ретушью) на одной из глыб

природы» руководителем и воспитанниками студии «Гелиос» (Центр художественно-эстетического творчества ученической молодежи, г. Мариуполь). Вершина горы (могилы) Острая (рис. 1, а), самой южной в западной гряде Каменных Могил, увенчана россыпью крупных глыб розового гранита (рис. 1, б). На северо-западную сторону одного из этих больших камней (обозначен стрелкой) и нанесена надпись. Область, занятая надписью, представляет собой не совсем правильный прямоугольник размерами 85 х 140 см. Отдельные знаки различаются с большим трудом, поверхность гранита покрыта пятнами черного и серого лишайника, сильно разрушена эрозией, нельзя исключить и преднамеренное повреждение надписи человеческой рукой (рис. 2, а). Все это создает очень серьезные трудности при ее копировании, в чем автор убедился лично, обследовав надпись 15.08.2013 года. Фотографирование и видеосъемка при различных вариантах искусственного (фотовспышка) и естественного освещения мало помогают делу. Определенную надежду можно возлагать на мультиспектральную и инфракрасную съемки, но они, к сожалению, пока не проводились. Плохая сохранность надписи является основной причиной расхождений при ее копировании и оставляет на настоящий момент, по нашему мнению, мало шансов для ее полного прочтения и правильной интерпретации. Следовательно, необходимо приложить все усилия для извлечения максимума информации из тех знаков и символов в составе надписи, которые не вызывают споров и однозначно фиксируются при ее копировании разными лицами.

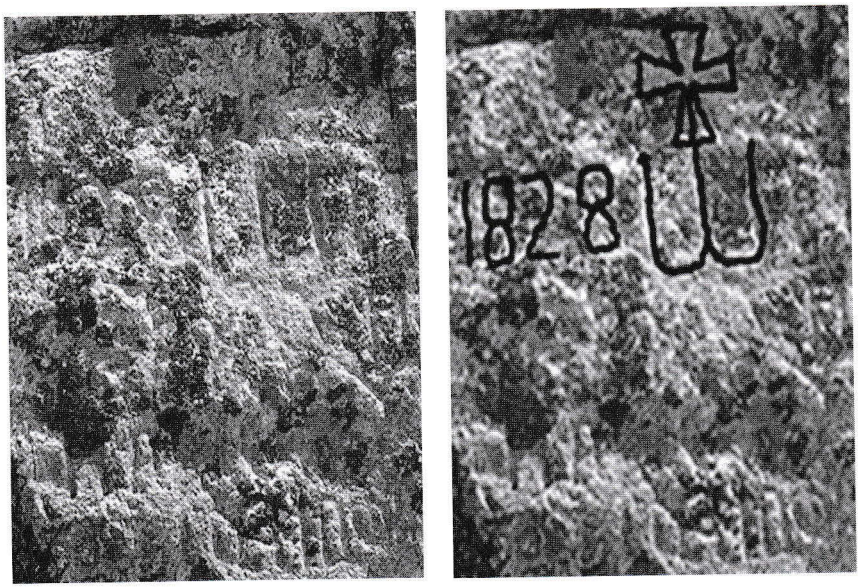


Рис. 2. Внешний вид надписи (а), прорисовка автором даты и знака «крест с трезубцем» (б).
Фото М.Е. Тарасенко. 15.08.2013 г.

На рис. 3 представлены три известных варианта прорисовки надписи, как уже опубликованный (а), так и два варианта (б, в) в рукописи, с которыми любезно ознакомил автора В.А. Сиренко. Сравнение показывает, что многие знаки в этих вариантах не совпадают. По результатам анализа трех копий, на основе собственных наблюдений и попыток прорисовки (рис. 2, б), вынужден констатировать, что в надписи достоверно и однозначно выявлены различными лицами (что исключает субъективный подход): 1) знак в виде трезубца с расположенным над ним крестом; 2) дата «1828». Не вызывает сомнений, что надпись выполнена кириллицей. Знак (символ) «крест с трезубцем» расположен в центре верхней строки надписи, что говорит о его важности. Слева от него стоит дата «1828», группа плохо сохранившихся знаков справа, скорее всего, образует слово «год».

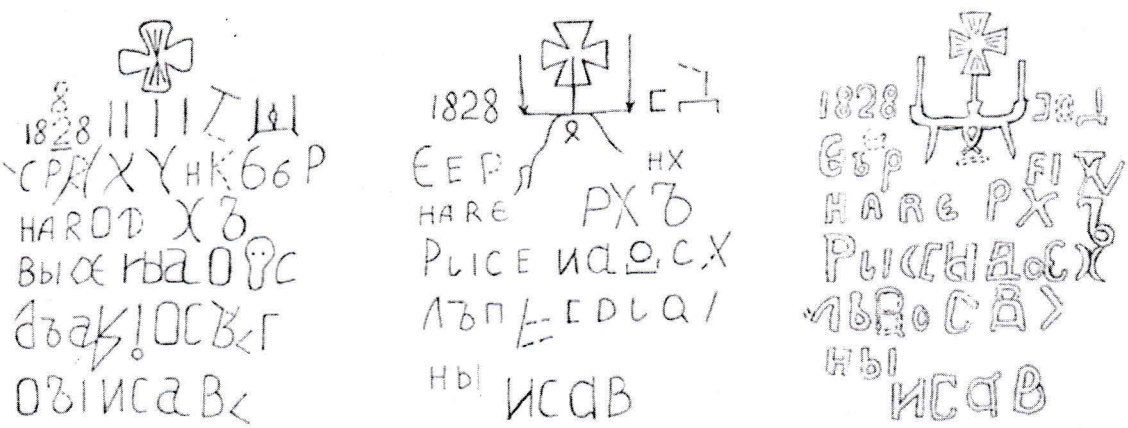


Рис. 3. Варианты прорисовок (копирования) надписи:
а) 28.03.1992 г., опубликован в статье [1, с. 233];
б) август 1998 г., предоставлен автору В.А. Сиренко в рукописи;
в) август 1999 г., предоставлен автору В.А. Сиренко в рукописи

Отождествление знака «крест с трезубцем» в надписи на Острой с символом «якорь-крест», предлагаемое В.А. Сиренко и другими краеведами, представляется вполне логичным и обоснованным. В христианстве якорь являлся символом надежды, крепости веры, позволяющим в его плавании по житейскому морю находить себе прочную опору в уповании на Иисуса Христа. Известный со времен раннего христианства, символ «якорь-крест» часто изображали на печатях, монетах, медальонах и гербах.

«Знак Рюриковичей» (трезубец), являющийся в настоящее время государственным гербом Украины, по мнению ряда специалистов, также являлся стилизованным изображением якоря [3, с. 180-181]. На древнерусских монетах-сребрениках князей Владимира Святославича (тип IV, рис. 4, а) и Ярослава Мудрого (тип I, рис. 4, б), отчеканенных в 988-1018 гг., изображен якорь-трезуб, увенчанный крестом. На монете Ярослава особенно четко видна связь «знака Рюриковичей» с архаичным якорем, деревянные лапы которого, в отличие от центрального стержня (веретена), оковывались гвоздями, шляпки которых изображены на сребренике точками (см. рис. 4, б). Вполне реалистичны на монете и кольцо для продевания каната в верхней части веретена, и заостренная нижняя часть якоря – пятка. На византийском медальоне жезл в руках апостола Петра увенчан символом якорь-крест, якорь стилизован под трезубец (рис. 4, в). В позднем средневековье (XIV-XV вв.) якорь-крест в сильно стилизованном виде украшает гербы польских, литовских и русских феодалов (рис. 4, г).

Рис 4. Христианские символы «якорь-крест»:
а) и б) - на монетах князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого [4];
в) на византийском медальоне с изображением апостола Петра [3, с. 179];
г) на гербах польских, литовских и русских феодалов (XIV-XVвв) [3, с. 179]

Как уже говорилось выше, апостолов часто изображали с жезлом (посохом), увенчанным символом «якорь-крест» (рис. 4, в). На византийской свинцовой печати первой половины XI века [4] изображен апостол Петр, держащий в левой руке посох – символ его пастырской власти, украшенный в верхней части символом «якорь-крест» (рис. 5, а), однако рога у этого якоря на печати обращены вниз. Вероятнее всего, жезлы апостолов перешли, сохраняя их духовно-символическое значение, к их приемникам – епископам и стали знаком архипастырской власти епископа над церковным народом, подобную власти, какую имеет пастух над стадом овец [5]. Как обязательная каноническая принадлежность архиереев посох упоминается в Западной Церкви с V, в Восточной Церкви – с VI века. Первоначально форма епископского жезла повторяла пастушеский посох с верхней частью, загнутой вниз. Позднее появились посохи с двурогой верхней перекладиной, концы которой загнуты слегка вниз, что походило на форму якоря. Симеон Солунский: *«Жезл, который держит архиерей, означает власть Духа, утверждение и пасение людей, силу путеводить, непокоряющихся наказывать и находящихся далече собирать к себе. Посему у жезла и находятся рукоятки (рожки сверх жезла), как якори. И над теми рукоятиями Крест Христов означает победу»* [5]. В XVII веке, по примеру православного Востока, в Русской Церкви появились посохи с рукоятью в виде двух

змей, изгибающихся кверху так, что одна обращена главой к другой, причем крест помещается между их главами. Это было призвано выразить мысль о сугубой мудрости архипастырского руководства (*«Будьте мудры, как змии ...»*). Такая форма навершия архиепископского жезла характерна для XVIII – XIX веков, бытует она в Русской Православной Церкви до сегодняшнего дня (см. рис. 5, б, в) [6-7]. Таким образом, общий графический контур древнего символа «якорь-крест» с лапами, обращенными вверх, на архиепископском жезле сохранен, но несколько изменилось его смысловое наполнение (лапы превратились в змей, символ мудрости).

Рис 5. Внешний вид навершия жезла (посоха):
а) апостола св. Петра на византийской свинцовой печати первой половины XI века [4];
б) и в) епископов (архиепископов) Русской Православной Церкви со второй половины XVII века [6-7]

По нашему мнению, знак «крест с трезубцем» в надписи на горе Острая представляет собой грубо стилизованное изображение навершия архиепископского жезла (рис. 5, б, в), происходящего от древнего символа «якорь-крест». Какая же связь существует между Каменными Могилами и архиереями Русской Православной Церкви? Документально подтверждается, по крайней мере, одно посещение этой местной достопримечательности епископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим [8], причем состоялось оно именно в том самом 1828 году, который указан в надписи на горе Острая. Епископ (с 1832 года – архиепископ) Екатеринославский, Херсонский и Таврический Гавриил (Василий Федорович Розанов), после вступления в должность прибывший в Екатеринослав 1 августа 1828 года, уже 16 августа выехал в Таганрог для *«совершения пасторских молитв на самом месте кончины»* (19 ноября 1825 года) императора Александра I [8, с. 40].

Прекрасно образованный, просвещенный и любознательный архиепископ Гавриил (рис. 6) живо интересовался историей и природой края и оставил после себя довольно много сочинений, изданных в 1854 году в 2-х томах. Он описал собор в городе Екатеринославе, а также Самарский Николаевский монастырь; в Одессе составил «Хронологическое и Историческое Описание церквей Херсонской епархии» и «Очерк повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый». Запомнился он современникам своим добрым, истинно отеческим отношением к пастве и к подчиненным, служителям церкви.

В поездке в Таганрог (август – сентябрь 1828 года) Гавриила сопровождал ректор Екатеринославской духовной семинарии иеромонах Иаков (Иосиф Иванович Вечерков), еще один блестящий представитель просвещенного духовенства (рис. 7), оставивший работы по церковной истории. Иеромонах Иаков и описал это путешествие в своих «Путевых заметках», опубликованных в 1910 году в VI выпуске «Летописи Екатеринославской губернской ученой архивной комиссии» действительным членом комиссии В.А. Бедновым.

Рис. 6. Гавриил (В.Ф. Розанов). (1781-1858)

Рис. 7. Иаков (И.И. Вечерков). (1792-1850)

Путь двух иерархов из Екатеринослава в Таганрог пролегал через Новомосковск, Павлоград, Гришино, Бахмут и Ростов [8, с. 40-52]. Гавриил и Иаков приехали в Таганрог вечером 28 августа 1828 года. После совершения в Таганроге богослужений и визитов 3 сентября они двинулись в обратный путь, посетив Сартану (5-7 сентября) и Мариуполь (7-10 сентября). В 11 часов утра 10 сентября архиепископ Гавриил уже в Мангуше, а вечером того же дня располагается на ночлег *«в селении Темрюк, населенном жителями, вышедшими из Смоленской губернии»* [8, с. 54]. Темрюк (современное село Старченково Никольского района), расположен всего в 7-8 километрах от Каменных Могил. Подробно и эмоционально иеромонах Иаков в своих заметках описывает раннее погожее сентябрьское утро следующего дня (11 сентября 1828 года) и теплый прием, оказанный жителями Темрюка своему архипастырю. Несмотря на «умиление сердца христианского», мимо внимания архиепископа Гавриила не прошли «полуразвалившаяся пономарня, набросанная без связи ограда, безобразный в храме пол» [8, с. 54]. Жители Темрюка твердо обещали, что скоро все предстанет «в новом благолепном виде».

На всем пути из Екатеринослава в Таганрог и обратно Гавриил живо интересуется местными достопримечательностями, собирает сведения о природе и истории недавно заселенных земель губернии. Не стало исключением и его посещение села Темрюк, перед выездом, как пишет в своих заметках Иаков (Вечерков), «его преосвященство пожелал видеть необыкновенное явление природы – Бештаские горы, находящиеся в 8 верстах от Темрюка. Через час предмет любопытства поразил взоры путешествующих. Среди обширных степей возвышаются пять каменных скал» [8, с. 55]. На этом повествование о поездке в Таганрог в августе-сентябре 1828 года в «Путевых заметки», к сожалению, прерывается, далее идет рассказ о следующем путешествии иерархов (в Крым), которое началось 1 мая 1829 года.

Таким образом, епископ (позднее – архиепископ) Екатеринославский, Херсонский и Таврический Гавриил (Розанов) в сопровождении иеромонаха Иакова (Вечеркова) посетил «Бештаские горы» (Каменные Могилы) 11 сентября 1828 года. Сильно поврежденная надпись на горе Острая, непрочтенная до сих пор, сделана, по

нашему мнению, в честь этого посещения и представляет собой, в определенном смысле, аналог современной памятной доски. В центре, венчая надпись, находится стилизованное изображение епископского жезла – знака его духовной власти над паствой. Скорее всего, надпись выполнена в память о визите церковного иерарха жителями села Темрюк (Старченково), оказавшими епископу Гавриилу столь теплый прием. Если эти предположения верны, то, с высокой долей вероятности, в надписи должно содержаться имя епископа Гавриила в транскрипции «ГАВРІИЛЪ». Возможно также, но уже гораздо менее вероятно, упоминание в надписи имени его спутника, иеромонаха Иакова («ІАКОВЪ»).

Автор благодарен В.А. Сиренко за возможность лично осмотреть надпись на горе Острая и любезно предоставленные в рукописи варианты ее прорисовки.

Использованные источники:

1. Черных А.П. Царские захоронения в Каменных Могилах / А.П. Черных // Кам'яні Могили – минуле та сучасність. Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 85-річному ювілею відділення Українського степового природного заповідника «Кам'яні Могили». – Вип. 2. Ч. 2. – Донецьк: Ноулідж, 2012. – С. 232-244.

2. Билык А.Каменные Могилы – загадка Приазовья /А. Билык. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://incognita.ru/arheolog/otkr/o_004.htm

3. Шаповалов Г.І. Про походження символу «якір-хрест» та знаку Рюриковичів / Г.І. Шаповалов // Древности степного Причерноморья и Крыма.– Т. III. – Запорожье, 1992. – С. 177–183.

4. Гайдуков П.Г. Древнейшие русские монеты [Электронный ресурс] / П.Г. Гайдуков, В.А. Калинин // Русь в IX-X веках. Археологическая Панорама. – М.-Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 402-435. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.poludenga.ru/srebrenik/ogls.html.

5. Принадлежности архиерейской службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.liturgy.ru/article_utvar3.

6. Архиерейский жезл. Рисунок [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://discont-centr.ru/upload/shop_1/5/0/2/item_50205/zhezli_25.jpg.

7. Архиерейский жезл. Рисунок [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://9e-maya.ru/forum/index.php?topic=1333.780.

8. Беднов В. А. Путевые заметки ректора Екатеринославской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского / В.А. Беднов // Летопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. VI. – Под ред. А. Синявского. – Екатеринослав: Типография губернского земства, 1910. – С. 38-88.

В.Б. Кириллов
М.Б. Постникова
А.Б. Постников

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ КИРИЛЛОВЫХ

В.Б. Кириллов

Ранней весной 2012 года в Мариуполе оказалась копия необыкновенной рукописи. Ее прислал из Москвы своей однокласснице Валентине Анатольевне Сафоновой (Ореховой) внук легендарного врача Спиридона Феофановича Кириллова Валерий Борисович Кириллов, видный специалист в области металловедения и металлофизики, доктор технических наук, который внес значительный вклад в разработку новых материалов для атомных электростанций. 26 апреля 2012 года в газете «Ильичевец» были опубликованы фрагменты рукописи, касающиеся Спиридона Феофановича и его ближайшей родни. Эта публикация вызвала живой интерес у читателей. Во-первых, потому что в ней очень ярко представлен Спиридон Феофанович, во-вторых, что она написана великолепным языком, свойственным лучшим образцам отечественной мемуарной литературы. Повествование ведется от третьего лица.

Рукопись начинается следующими словами: «Эти записки составлены по инициативе Кириллова Валерия Борисовича, которому оказали неоценимую помощь сестра – Постникова (Кириллова) Мария Борисовна и ее сын – Постников Александр Борисович»[1]..

Спиридон Феофанович Кириллов родился 21 мая 1885 года в Мариуполе в семье Феофана Спиридоновича (1854 г., Мариуполь – 1917 г., Мариуполь, похоронен на Центральном кладбище) и Кирикии Борисовны Кирилловых, грек по национальности. В последующем отмечался в семье не его день рождения, а день ангела 25 декабря. Это был самый большой и долгожданный праздник. Наверное, и сейчас в старой части Мариуполя (скорее всего на Итальянской улице) можно отыскать небольшой каменный домик, в котором жила тогда семья Кирилловых. Вслед за первенцем Спиридоном появились братья: Валентин, Борис, Иван, Петр, а затем и две сестры: Мария и Елена. Младшая Елена родилась в 1910 году, то есть спустя двадцать пять лет после рождения старшего брата.

Сначала семья жила в достатке – за Кирикией Борисовной было дано приличное приданое. Но Феофан Спиридонович не имел склонности к умножению капитала и к коммерческой деятельности. В подвале дома он завел небольшой магазинчик, где всякого товара было множество: сельдь, нитки с иголками, маслины, сыр, мыло... Приказчиком в магазине был Спиридон, гимназист начальных классов Мариупольской мужской гимназии. Впрочем, торговали недолго, потому что – уж так выходило – торговля приносила одни лишь убытки.

Пришлось незадачливому коммерсанту искать другой заработок. Устроился он

[1] С незначительными сокращениями. Публикацию подготовил к печати С. Буров

по протекции богатых родственников жены кассиром в самый крупный в Мариуполе гастроном... За труды по тем временам получал немалое жалованье (48 рублей), если учесть, что фунт мяса стоил двугривенный – 20 копеек. Беда состояла в том, что Феофан Спиридонович любил карточную игру. Благо, что все хозяйство и дети были по давно заведенной у греков традиции на попечении супруги – Кирикии Борисовны, а хозяйка и мать она была отменная...

...Жена Феофана Спиридоновича – Кирикия Борисовна, по национальности турчанка или крымская татарка..., семья которой приняла христианство. Она родилась в 1864 году в Мариупольском уезде. Вышла замуж в 1884 году и в двадцать лет родила первенца Спиридона; последнего ребенка – дочь Елену – через 25 лет в возрасте сорока лет. Была, как нам известно, подлинной хранительницей домашнего очага и главой многочисленного семейства. Очень любила детей, была удивительно доброй женщиной – достаточно взглянуть на сохранившиеся фотографии. В конце жизни (с 1933 года) была окружена заботой в семье старшего сына. Умерла в 1939 году от воспаления легких.

...Семья не бедствовала, но классическое образование (а оно было платным) получил только Спиридон. Гимназию он окончил в 1903 году и в том же году поступил учиться на медицинский факультет Харьковского университета. В 1909 году Спиридон Феофанович получил диплом врача. Плату за обучение в университете вносило Мариупольское земство, за что Спиридону Феофановичу согласно существующему тогда порядку пришлось отрабатывать три года земским врачом в одном из сел Мариупольского уезда.

Свою врачебную деятельность, которая продолжалась пятьдесят восемь лет, он начал в греческом селе Малый Янисоль, примерно в 45-50 км от Мариуполя. В то время земский врач должен был быть врачом-универсалом и смелым, решительным человеком, ведь ему приходилось самому принимать решения, спросить совета было не у кого... До города на лошадях надо было добираться пять-шесть часов, этим пользовались редко, в экстренных случаях, когда требовалось серьезное оперативное вмешательство. Пациентами Спиридона Феофановича были не только крестьяне из Малого Янисоля, но и изо всей округи радиусом 25-30 километров. Работа земским врачом принесла Спиридону Феофановичу огромный опыт и благодарность местных жителей, о чем свидетельствует адрес от 1911 года, с содержанием которого можно ознакомиться в одном из залов Мариупольского краеведческого музея...

Дать образование в гимназии и университете остальным детям Феофану Спиридоновичу не удалось, для этого не было в семье необходимых средств. Искали и находили другие способы.

Так, Валентин Феофанович закончил реальное училище (там учили бесплатно, но в учебной программе отсутствовали некоторые предметы, например, греческий и латинский языки, необходимые для поступления в университет), потом сдал экзамены экстерном за полный курс классической гимназии, после чего поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1913 году. До февральской революции 1917 года, которую он, как и большинство интеллигентов и разночинцев, принял восторженно, служил в Мариуполе адвокатом. Он очень быстро получил известность и приобрёл популярность. Этому способствовали и ряд успешно проведённых дел, и внушительная лощёная внешность, и красноречие. Он быстро сколотил приличный капитал, весьма выгодно женился на дочери известного богатого зерноторговца Газанджи (её звали Татьяна Антоновна). Купил он по тем временам роскошный дом, имел выезд (лошадей, пролётку), горничную, кухарку, садовника. Был завсегдатаем клуба. Где не без успеха играл в винт и покер. По утрам (для него утро наступало в десятом-одиннадцатом часу) имел обыкновение взбодриться стаканом (тонкого стекла)

отборного портвейна, блюдечком грецких орехов, кофе… Увы! Как оказалось, его блестящей карьере вместе с революциями пришёл конец. Была, но, к сожалению, не сохранилась фотография, на которой Валентин Феофанович в брюках-галифе, сапогах, френче с красным бантом в петлице в кузове «форда» обращается с речью к толпе. После октября 17-го года всё исчезло, как сон. Валентин Феофанович попытался сберечь хоть что-то из добра. Столовое серебро и драгоценности однажды ночью он завернул в большую скатерть и закопал под яблоней в саду. Да вот беда, зоркая горничная не дремала в ту злополучную ночь и наутро, когда Валентин Феофанович пошёл в сад проверить сохранность своего сокровища, то ничего не нашёл во взрыхлённой наспех земле. Потом судьба бросала его, как и многих русских людей, то к белым, то к красным. В 1920 году он очутился в Севастополе в качестве сотрудника Ревтрибунала. Жил в гостинице, в одном номере с великим тенором России Собиновым, который никак не мог решить, покидать ему большевистскую Россию или нет. Играли в «гусарики» (преферанс на двоих), пили до одури водку и говорили, говорили… Этой если не дружбой, но длительным знакомством с известным певцом Валентин Феофанович очень гордился. Потом началась проза – московский период. Работал юрисконсультом в одном из Министерств. Очень скромная зарплата – тогда, между тридцатыми годами и отечественной войной и вплоть до перестройки Горбачёва, в век беззакония, юристы и адвокаты были никому не нужны. Разве только в качестве холуев в органах ГПУ, НКВД, КГБ. До конца своих дней (1965 г.) Валентин Феофанович сохранил ясный ум, живой интерес к литературе, истории. Его отличала беззлобная снисходительность по отношению к молодым, недостаточно эрудированным людям; он опекал сына Спиридона – Бориса, а потом и Валерия – сына Бориса, но очень ненавязчиво, деликатно и не без пользы, когда они были московскими студентами.

Совсем другим, но не менее ярким человеком, был любимый брат Спиридона Феофановича – Борис Феофанович. У него был хороший голос, мальчиком он пел в церковном хоре. Наверное, поэтому он оказался в церковной семинарии, но церковная карьера его не прельстила. Он тоже путём экстерната в конце концов поступил и окончил медицинский факультет Харьковского университета, после чего работал в Полтаве врачом-гинекологом. Впоследствии стал главным врачом Полтавской области. В его распоряжении были два самолёта медицинской службы. Несколько раз прилетал из Полтавы в Мариуполь, пилоты стали друзьями дома Кирилловых. На одном из этих самолётов с открытой кабиной Валерий Борисович, будучи пятилетним мальчиком, впервые поднялся в воздух (летели из Мариуполя в Полтаву в гости к Борису Феофановичу). Борис Феофанович любил жить на широкую ногу. И обширная частная практика поддерживала эту любовь. У него был большой дом, прекрасный фруктовый сад, библиотека в несколько тысяч томов, коллекция охотничьих ружей.

Очень любил Борис Феофанович цирк, наверное, потому, что сам в молодости, будучи очень крепким и сильным человеком (хоть и небольшого роста) был великолепным мастером борьбы и даже побеждал в состязаниях, ежегодно проводимых в греческих сёлах. Как победитель неоднократно уносил барана на своих широких плечах. Из цирковых артистов больше всего любил клоунов и дрессировщиков диких зверей. Их он всегда приглашал в гости, они жили у него неделями, пока заезжий столичный цирк находился в Полтаве.

Самой большой любовью Бориса Феофановича был сын Константин (он называл его «Котик»), удивительно талантливый человек. Когда грянула война, он учился на втором курсе исторического факультета Московского университета. В армию его не взяли, он был близорук, но Борис Феофанович для перестраховки спрятал его в доме подальше от людских глаз. Кто-то из «друзей» донёс в военкомат, что Кириллов Борис Феофанович укрывает от призыва своего сына. Его

мобилизовали и полуслепого посадили в танк. Он сгорел в первом же бою (под Курском). Всю оставшуюся жизнь Борис Феофанович винил себя в произошедшем. Умер Борис Феофанович в 1955 году, завещав практически все сбережения церкви. На эти деньги была построена каменная ограда вокруг главного собора на центральной площади Полтавы.

В 1962 году Спиридон Феофанович с сыном Борисом и внуком Валерием были в Полтаве, положили на могилу Бориса Феофановича горсть мариупольской земли…

От второго брака у Бориса Феофановича был сын Валентин Борисович Кириллов. Он живёт в Полтаве, ему 65 лет. У Валентина Борисовича есть сын (сыновья?), которые теперь являются единственными, кто может сохранить фамилию Кириловых.

О других братьях Спиридона Феофановича известно значительно меньше. Иван Феофанович служил инженером, после Октября 17-го года оказался в Белой армии, а потом в эмиграции. Умер в Париже, с его семьёй в конце шестидесятых годов встречалась сестра Мария Феофановна.

Пётр Феофанович, младший из братьев, служил в Белой армии и был убит… в боях под Мариуполем, где и похоронен на Старом центральном кладбище рядом с матерью и отцом.

Старшая из сестёр Спиридона Феофановича Мария Феофановна окончила гимназию и в 1916 году вышла замуж за англичанина Стэна Карлетти. Они познакомились в Константинополе, где Мария Феофановна жила после эмиграции. Сначала жили в Англии, вплоть до окончания войны с Германией (Стэн был в экипаже бомбардировщика), потом – в Швеции и Бельгии. С 1956 года практически ежегодно приезжали сначала в Москву и Ленинград, позже – в Мариуполь. В последний раз посетили Мариуполь летом 1967 года. Умерла Мария Феофановна в конце восьмидесятых годов в Брюсселе. Чуть раньше там же не стало Стэна. Детей у них не было.

Самым младшим ребёнком в семье была Елена Феофановна. Родилась в 1910 году… Вся её жизнь прошла в Ленинграде (Петербурге). Пережила вместе с дочерью Татьяной тяжелейшие дни блокады. Была очень красива, жизнерадостна и гостеприимна, о чём могут свидетельствовать оставшиеся в живых родственники. Так же красива и гостеприимна её дочь Татьяна Ростиславовна Елисеева, радушно встречающая родственников и их друзей. Елена Фефановна умерла в 199(?) году.

Но вернёмся к Спиридону Феофановичу. Уже шли бои на фронтах Первой мировой войны, когда в 1915 году Спиридона Феофановича призвали в действующую армию, и он оказался на русско-турецком фронте в качестве главного врача-хирурга дивизии. Боевые действия проходили недалеко от городов: Трапезунд и Эрзерум, там же находился и госпиталь. Здесь он познакомился с Евгенией Емельяновной Лузановой (в девичестве Яцимирской), сестрой милосердия, вдовой поручика Семеновского лейб-гвардии полка графа Лузанова. Поручик погиб, и Спиридон Феофанович предложил вдове выйти за него замуж: он полюбил ее с первого дня их знакомства. В 1917 году они приехали в Мариуполь, где Спиридон Феофанович получил место ведущего хирурга городской больницы. К тому времени он имел немалый врачебный опыт и прекрасную репутацию...

Потом были годы гражданской войны, тридцатые предвоенные годы. И хотя Спиридон Феофанович был человеком сугубо штатским, но и ему приходилось находиться на грани между жизнью и смертью. Таково было время, тревожное и тяжелое. В 20-21-е годы Мариуполь бесчисленное количество раз занимали то красные, то белые вместе со своими ЧК, контрразведками и особыми отделами. В уезде мародерствовали банды Махно, несколько раз совершавшие набеги на город. Эти «ребята» хватали всех, кто попадал под руку. Вот и Спиридон Феофанович, как бывший офицер медицинской службы царской армии, попал в подвал ЧК. Из этого

зловещего заведения никто живым не возвращался: без разбора ставили к стенке и пускали в расход.

Об этом знали все жители города, знала об этом и Евгения Емельяновна. Она оказалась в ужасном положении: на руках двое маленьких детей – трехлетняя Женя и годовалый Борис. На рассвете красные оставят город, и значит, все сидящие в подвале будут расстреляны. Надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы ночью под проливным дождем, в сильный порывистый ветер – а дело было осенью – пройти три километра до здания ЧК, проникнуть сквозь конвой к председателю ЧК, чтобы любой ценой вызволить фактически с того света ни в чем не повинного мужа. Ее внешность, осанка, напористость привели к желаемому результату: конвой расступился, и она оказалась в кабинете председателя. Он спал, большая рыжая голова его лежала на зеленом сукне стола, «наработался», должно быть, подписывая расстрельные приказы. Сон был чуткий, председатель поднял голову и посмотрел на незваную гостью: «Женя! Откуда ты?! Что с тобой?» – он узнал Евгению Емельяновну, а она – его. В Киеве они учились в гимназиях, расположенных на одной улице напротив друг друга. Старшеклассники женской и мужской гимназий прекрасно знали друг друга… Конечно, домой возвращались вместе – Спиридон Феофанович и Евгения Емельяновна. А говорят, что чудес не бывает. Выходит, бывают!

Были критические моменты у Спиридона Феофановича и в период оккупации Мариуполя немцами. В 1941 году через два месяца после начала войны немцы стремительно захватили Донбасс. Гитлеровцы ворвались в Мариуполь 8 октября. Многие из тех, у кого был приказ эвакуироваться, не успели этого сделать, в том числе персонал госпиталя с ранеными бойцами: врачи и сестры больницы медсанчасти завода им. Ильича. Заведующим хирургическим отделением этой больницы, которое было самым большим в Мариуполе, был Спиридон Феофанович. В годы оккупации отделение оказывало помощь не только населению, но и вело патриотическую работу, несмотря на сопряженный с нею риск. Военнопленные, находящиеся на лечении в хирургии, вносились в списки умерших, их снабжали всем необходимым и помогали перебраться по льду Азовского моря через Таганрогский залив на Тамань, где находились части Красной Армии. В конце концов, возникли подозрения немцев к медперсоналу хирургического отделения, и Спиридон Феофанович вынужден был укрываться несколько месяцев в подвале небольшого домика в поселке Волонтеровка, вплоть до освобождения города.

С годами росло мастерство Спиридона Феофановича, а с ним и известность в городе и его окрестностях, популярность. Он полностью отдавался работе, хотя своего отношения к ней никак не высказывал. Он просто делал свое дело, делал отменно и на совесть. Он был совершенно естественным в отношениях с людьми, с ним соприкасавшихся. Он был начисто лишен позерства... Представить его неискренним, боящимся кого бы то ни было или пресмыкающимся перед начальством было совершенно невозможно. Чувство долга у Спиридона Феофановича было в крови. Вспоминаются бессонные ночи: два-три раза в неделю его будили телефонные звонки молодых коллег, дежурных врачей, просивших совета и помощи. На заводе, где круглосуточно работали десятки тысяч человек, редкий день или ночь обходился без экстраординарных ситуаций. И пожилой человек ночью, часто в непогоду шел в отделение, благо оно было неподалеку, чтобы занять место у операционного стола, но уже в восемь утра он был на работе, делал обход и был готов к плановым операциям. И никто никогда не слышал жалоб на эти внеурочные вызовы, усталость.

Строгий режим, вероятно, способствовал его феноменальной работоспособности. Завтрак в начале восьмого, легкий обед в 12-13 часов в отделении, а дома – в половине шестого на обед готовили что-то неординарное: что-

С.Ф. Кириллов

нибудь из парного мяса, осетрины, судаков. А с 6 до 7 – частная практика. Принимались безотказно все ожидавшие приема, всем оказывалась помощь. Спиридону Феофановичу было достаточно осмотра больного для того, чтобы поставить верный диагноз. В половине восьмого – легкий ужин, любимый чай с молоком, чтение медицинских журналов, в первую очередь «Вестник хирургии», художественной литературы, русской классики, радио. По воскресеньям играли в преферанс. Состав игроков был постоянным: сын Борис, друг Даня, врач из мореходства, если не находился в плавании, полковник Алексей Герасимович. К воскресному обеду готовили как к небольшому празднику, на столе были и графин с водкой, настоянной на лимонных корочках, и одна-две бутылки домашнего вина белого или красного…

...В доме Кирилловых всегда, один, два а то и три раза в неделю собиралась компания поиграть в преферанс. Спиридон Феофанович, Борис Спиридонович и ещё пара игроков из числа друзей или близких знакомых. Так было всегда, даже в сороковые тяжёлые послевоенные годы. Одно время среди партнёров-преферансистов оказался некий доктор Караманов – не друг, не знакомый, просто сосед по дому (жил с семьёй с противоположной стороны дома). Такой маленький, седенький, неприметный врач и неприметный человек. Послевоенные годы, как, впрочем, и довоенные были, как известно, непростыми. Опять закипела «работа» в страшном недремлющем ведомстве – НКВД (Наркомат внутренних дел). То и дело арестовывали по ночам людей (неизвестно за что), которые или навсегда исчезали, или возвращались из тюрем и лагерей уже после смерти Сталина (1953 г.). Часто арестовывали, как теперь стало доподлинно известно, по ложным доносам, которые писали, как правило, «мнимые» друзья несчастных, стремящиеся заслужить таким образом доверие органов и обеспечить свою безопасность, пускай и за счёт страданий других, ни в чём не повинных людей. Так было и в описанном случае.

Опережая события, заметим, что начальником районного управления НКВД был тогда некий Крох, живший напротив Кирилловых – высокий, худой, измождённый человек с морщинистым жёлтым лицом, в синих брюках-галифе, хромовых сапогах. Крох редко показывался на людях (наверное, потому что НКВД имело обыкновение работать по ночам, а отдыхать днём, а, может быть, ещё и

потому, что днём, среди множества людей НКВД-шникам делать было нечего, так как работали они с каждым индивидуально, что удобнее, конечно, делать по ночам). Был этот Крох пациентом Спиридона Феофановича – страдал не то язвенной болезнью, не то заболеванием печени. И вот однажды Спиридона Феофановича вызывают в районное управление НКВД. Тогда такое приглашение означало почти стопроцентный арест, приговор, лагерь. За что, почему. Оставалось только гадать и ждать. Ждать неминуемого...

На следующий день Спиридон Феофанович входит в кабинет Кроха – просторный и сумрачный, а тот, поздоровавшись, без слов протягивает ему исписанный лист бумаги — донос о политической неблагонадёжности С.Ф. Кириллова. В конце листа – подпись: доктор Караманов, а перед нею слова о том, что всему написанному следует верить, потому что он – Караманов – сосед доктора Кириллова и его друг, с которым он часто встречается за преферансом. Повторим, что всего этого было достаточно для неминуемого ареста и ссылки в лагеря минимум лет на десять (тогда такой срок был сроком минимальным для обвиняемых в политической неблагонадёжности).

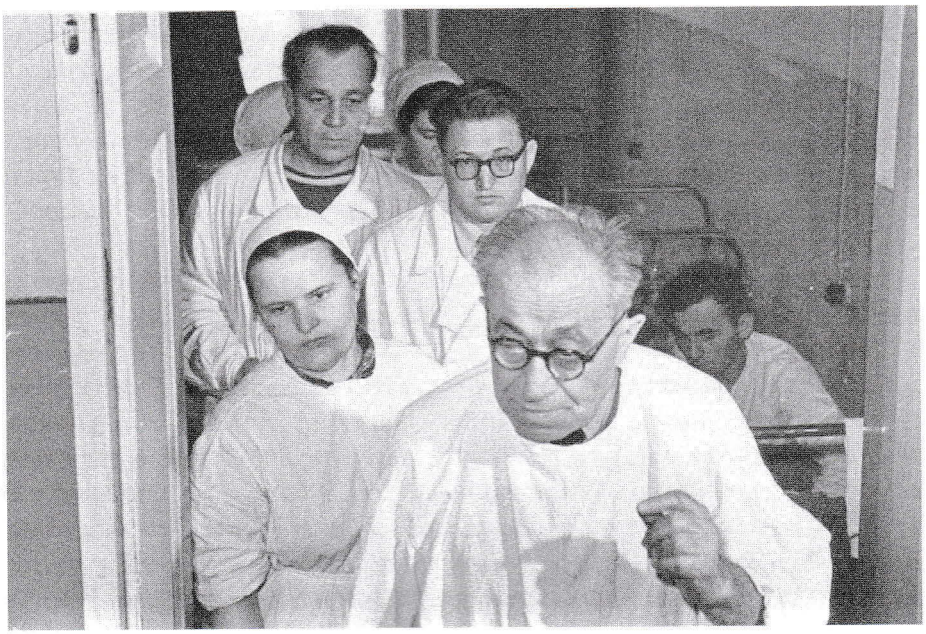
А далее было нечто, что заставляет усомниться в том, что в НКВД трудились только негодяи. Крох встал из-за стола, посмотрел пристально в глаза Спиридона Феофановича, взял у него из рук пасквиль и, ни слова не говоря, порвал его на мелкие кусочки, чиркнул спичку и сжёг их в пепельнице (то есть закрыл «дело» как необоснованное).

На следующий день (нетерпение Караманова было, видимо, громадным – забрали Кириллова или нет, сработал ли донос? – эта гадина Караманов является со сковородочкой, нашёл-таки предлог!) и со словами: «у нас что-то свет отключили – безобразие! – нельзя ли у вас поджарить яичничку?». На веранде, куда вошёл Караманов, в это время сидели Спиридон Феофанович с сыном Борисом. Ни тот, ни другой ни взглядом, ни жестом не отреагировали на появление и слова новоявленного Иуды. Тот постоял с полминуты, развернулся, что-то промямлил и, опустив плечики, поплёлся восвояси. На следующий день вся семейка съехала и растворилась неизвестно где. А ведь Крох рисковал и даже очень. Наверное, и за ним следили в органах. Ведь следили, подглядывали и подслушивали тогда все, один за другим, в том числе и подчинённые за начальником. Поэтому Крох ничего вслух и не произносил. Мог разочарованный Караманов и написать, куда следует, повыше. Впрочем, для этого нужна была смелость, которой у него, слава Богу, не было..[1]

...К сожалению, Спиридон Феофанович много курил – сигареты «Прима», папиросы «Беломор». Никто и никогда не видел его с тряпкой и веником, но он любил работать в саду, особенно обрезку деревьев, кустов роз и ухаживать за клубникой. Он никогда не был на рынке и в магазине. Исключение составлял Центральный гастроном города, куда его раз-два в месяц возил сын. Спиридон Феофанович с интересом разглядывал витрины, засунув руки в карманы широких брюк. При этом покупалось что-то крайне редко, но появляющийся как из-под земли суетящийся директор незаметно с полупоклоном вкладывал пакет с икоркой, маслинами, сырокопченой колбасой и прочими деликатесами в руки смущавшегося сопровождающего внука или сына. Наверное, доктора Кириллова знали в Мариуполе все: и рабочие, и начальство, и рыбаки, и таксисты. Но никогда никакого чванства у Спиридона Феофановича не наблюдалось. Его сын – Борис Спиридонович как-то сказал своему сыну Валерию: *«Мы с тобой вместе не стоим и мизинца деда»*.

---

[1] Курсивом набраны фрагменты из воспоминаний Евгении Емельяновны Кирилловой. Эту историю она рассказала году в пятьдесят шестом.



С.Ф. Кириллов во время больничного обхода

В 1956 году Спиридон Феофанович впервые на Украине сделал операцию на сердце бьющемся, без аппаратов. Подобные операции делал еще не раз. В 1959 году был удостоен звания «Заслуженный врач Украины». До конца своих дней – а прожил он 82 года – работал, ни одного дня не пробыв на пенсии. Умер от рака легких 23 ноября 1967 года в родном кабинете созданного им хирургического отделения, которое он возглавлял десятки лет. Одновременно долгие годы Спиридон Феофанович был главным хирургом города. Светлая память о нем живет в сердцах его племянников и внуков, и, надеемся, не оставит равнодушными его правнуков. Похоронен Спиридон Феофанович на Старом центральном кладбище Мариуполя рядом со своим отцом, матерью и братом Петром Феофановичем.

...Жена Спиридона Феофановича – Кириллова (Яцемирская, Лузанова) Евгения Емельяновна родилась в феврале 1889 года в г. Виннице. Детские годы провела в Кишиневе, где в то время ее отец занимал высокий пост инспектора Южной железной дороги… *Вспоминая детские годы, (начало прошлого века), она говорила, что отец её, Емельян Яцемирский, имел обыкновение брать жену и детей (а их было четверо) с собой в инспекционные поездки по Юго-Западной железной дороге. А обставлялась такая инспекция с помпой. Поезд, помимо паровоза и нескольких пассажирских вагонов, включал в себя и специальный генеральский вагон начальника железной дороги. Этот вагон, что интересно, помещали впереди паровоза, был отделан внутри красным деревом, бронзой, но главной его примечательностью было то, что торцовая его часть, смотревшая вперёд по ходу движения поезда, была застеклена от пола до потолка толстым зеркальным стеклом. У этой стеклянной стены ставили большой обеденный стол, за которым собиралась вся семья за завтраком, обедом и ужином. Часто приходили просто для того, чтобы полюбоваться быстро набегающими шпалами и меняющимися ежеминутно на все 180° пейзажами...*

Мать Евгении Емельяновны была дворянкой, настоящей малороссийской помещицей...

...У Евгении Емельяновны были старшая сестра Вера и младшие братья – Клим и Мильчик. Оба учились в Киевском университете. Климентий оказался с большевиками, Мильчик, как белый офицер, был расстрелян. Гимназические годы, – а училась она во Второй Киевской гимназии мадам Бейтель, – прошли в Киеве на

Рейтарской улице в доме, где сейчас располагается Управление Юго-Западной железной дороги... Больше всего Евгении Емельяновне запомнились розы, которые цвели повсюду, увитые плющом стены домов и чудесная, проникающая всюду смесь запахов – горячей пыли и кофе...

...Позднее, перед Первой Мировой войной, Евгения Емельяновна окончила медицинские курсы Сестер милосердия при Одесском клубе офицеров. В это время она познакомилась со своим будущим мужем, блестящим офицером поручиком Семеновского лейб-гвардии полка Лузановым, сыном графа Лузанова, владевшего огромным имением под Одессой с садами и виноградниками. Граф был очень богатым и известным в Одессе меценатом. Так что партию Евгения Емельяновна сделала блестящую, если бы не мировая война, революция и смутное время за ними...

1914 год. Начало первой мировой войны. Отправка войск на русско-турецкий фронт. Морем. Битком набитый солдатами и офицерами линкор «Императрица Мария» вот-вот отчалит от Одесской пристани...

Мчится пролётка, чтобы непременно успеть (ведь время суровое, военное) её пассажирам – поручику Лузанову и его жене, сестре милосердия Евгении – оказаться на борту линкора до его отплытия. Но не успевают, взволнованные и разочарованные – полоса воды всего два-три метра отделяет их от борта, но она непреодолима. Стоят молча на причале, провожая корабль глазами. Он уже на рейде, с каждой минутой набирая ход и удаляясь всё дальше и дальше от берега. И вдруг страшный взрыв, столб воды, дыма и огня объял линкор, подорвавшийся на мине. Проходят считанные минуты, и корабль с двумя тысячами несчастных исчезает в морской пучине. Вот так бывает в жизни. Прискакали бы пятью минутами раньше наши молодожёны, и всё было бы иначе в семье Кирилловых. Была бы, наверное, другая жена у Спиридона Феофановича, другие дети, другие внуки, правнуки. Всё было бы иначе...

...В 1914 году она вместе с мужем попадает на русско-турецкий фронт недалеко от города Эрзерум и Трапезунд. Евгения Емельяновна служила в лазарете сестрой милосердия... После смерти Лузанова, – его убил ударом кинжала турецкий лазутчик, прокравшийся ночью в лагерь, – положение Евгении Емельяновны было незавидным: она ждала ребенка. Ее родители к тому времени умерли, она не знала, где находились сестра и братья. Было непонятно, как устроить жизнь. Евгения Емельяновна, очень интересная женщина со светскими манерами, отменным вкусом увлекла тридцатилетнего Спиридона Феофановича, и когда фронт был свёрнут, он предложил Евгении Емельяновне руку и сердце.

В 1916 году они приехали на родину Спиридона Феофановича в город Мариуполь, где родилась дочь от первого брака. Ее назвали Евгенией (близкие звали Жекой), и, если бы не «добрые» люди, она так и не узнала бы никогда, что Спиридон Феофанович не ее родной отец. Семья Спиридона Феофановича типично греческая, мещанская с весьма скромным достатком, где формально главой был Феофан Спиридонович, а на самом деле всеми делами заправляла мать Кирикия Борисовна, приняла Евгению Емельяновну хорошо. Правда, вначале несколько настороженно.

Дворянское происхождение, манеры... Достаточно сказать, что она первой в провинциальном Мариуполе, где аскетическая скромность почиталась как главная добродетель, искупалась в купальном костюме в море. Это был вызов тамошнему обществу. Но скандала в семье этот брак не вызвал. Стерпели тогда, терпели и потом ее барские замашки и капризы. Многое в быт и устройство семьи она принесла из неведомого дворянского мира. Детей – Женю и Бориса – учили так называемые бонны, учили немецкому и английскому языкам, дома дети слышали правильную русскую речь, видели полные уважения отношения матери и отца. То же получил в наследство и внук Валерий, за что нужно, прежде всего, благодарить Евгению Емельяновну.

Она обладала хорошей памятью, была мастерицей устного рассказа. Много

интересного узнали и Женя, и Борис, и внуки Валера и Маша о событиях, связанных с гражданский и отечественной войнами, разрухой и периодом восстановления. Конечно, с годами память становилась хуже, Евгения Емельяновна рассказывала меньше, но постоянно читала, в основном, русскую классику. Следила за новостями, читала газеты. В семье отмечали именины Евгении Емельяновны не в день ее рождения, а в день ангела – 6 января, накануне Рождества. Готовили узвар, необыкновенные торты с тертым лимоном и шоколадным кремом с грецкими орехами. Приходили подруги: Флоринская и Александра Эммануиловна, учившая внука игре на пианино. Долгие годы помощницей по хозяйству в доме была полька Анна Адамовна. Умерла Евгения Емельяновна в возрасте 94 лет 2 февраля 1984 года. Похоронена она рядом с сыном на Старо-Крымском кладбище г. Мариуполя.

В Симферополе жила и там же умерла в январе 1972 года дочь Евгении Емельяновны от первого брака Евгения (геолог). Сейчас в Симферополе живет ее дочь Елена Павловна Рожен (работает ведущей политических шоу на Крымском телевидении), а сын Юрий Павлович Рожен – в г. Константиновке Донецкой области. Младшая дочь Ирочка умерла от рака в возрасте тридцати пяти лет. Ее сын Вячеслав воспитывается в американской семье. Дети Елены живут в Израиле.

Кириллов Борис Спиридонович родился 28 мая 1919 года в семье уже известного к тому времени врача… в городе Мариуполе. Борис Спиридонович окончил среднюю школу №21 в Ильичевском районе (ту же школу окончил и его сын Валерий) в 1937 году и поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ) имени Баумана – один из самых престижных вузов того времени. Как рассказывала бабушка Нина, Борис Спиридонович в студенческие годы особым усердием в учебе не отличался, но в двоечниках не числился. Выручали природой данные способности и хорошая подготовка: золотой аттестат был заслуженным! Темпераментный, азартный, увлекающийся и, безусловно, одаренный человек, он быстро обрастал друзьями и подружками, увлекся преферансом, отменно играл в шахматы (на уровне первого разряда – кандидата в мастера), и любовь к этой игре он сохранил на всю жизнь.

В 1940 году накануне войны познакомился со своей ровесницей, студенткой Московского университета, родом из Вологды, Прилуцкой Ниной Сергеевной. Осенью 1941 года, когда немцы были уже в нескольких десятках километров от Москвы, они стали мужем и женой. Сначала было рытье окопов под Москвой, потом эвакуация в тыл. Он оказался в Новочеркасске, потом в Нижнем Тагиле, она – в Петропавловске, где 26 апреля 1942 года родился сын. Его назвали Валерием – тогда мальчикам часто давали это имя в честь любимца Сталина летчика-испытателя Валерия Чкалова. Оба работали на оборонных заводах, конечно, в ужасных условиях военного времени: холод, голод, неустроенность. В армию Бориса Спиридоновича не призвали, хотя он и обивал пороги военкоматов. На Урале, в тылу, порою нечего было есть, мороз 42-го года был лютый, а одежды и обуви – никакой. Но в армию не брали: действовал приказ Сталина, согласно которому в армию студентов четвертого курса технических вузов нельзя было призывать – они были нужны на оборонных заводах, где специалисты необходимы были как воздух.

Работал по 15-16 часов в насквозь продуваемых ветром не отапливаемых цехах. Как следствие – обмороженные ноги, язва желудка, которые отравляли жизнь в будущем. В 1943 году, после победы под Сталинградом, МВТУ вернулся в столицу из эвакуации. Борис Спиридонович забрал из Петропавловска полуторагодовалого сына (рахитичного из-за постоянного недоедания) и отвез в освобожденный в августе 1943 года Мариуполь, к деду и бабушке. Сам же уехал в Москву заканчивать институт. Получил диплом и в октябре 1943 года вновь оказался на родине, в Мариуполе.

Сначала непродолжительное время работал инженером в проектно-

конструкторском отделе завода им. Ильича, затем был приглашен в Мариупольский металлургический институт на должность заведующего кафедрой начертательной геометрии. В это время он много работал, углублял и расширял свои знания не только в механике, но и в смежных дисциплинах. В разные годы был доцентом кафедры механического оборудования металлургических заводов, сопротивления материалов. С 1965 года – доцент кафедры теоретической механики, с 1968 – исполнял обязанности заведующего кафедрой технологии машиностроения. Студенты его побаивались из-за импульсивности, но и любили одновременно, особенно студентки: да и не мудрено – мужчина он был настоящий, таких, как он, женщины любят. В 1956 году одним из первых в институте блестяще защитил кандидатскую диссертацию, написал и несколько монографий, учебных пособий, руководил разными кафедрами (последняя – кафедра деталей машин и подъемно-транспортных устройств). К 1972 году написал и оформил докторскую диссертацию. Но защитить ее не смог: резко ухудшилось состояние здоровья. В 1983 году ушел на пенсию.

Последние годы с удовольствием занимался дачей, радовался каждой распустившейся розе, урожаям груш, персиков, черешен, абрикос. Болели ноги: приходилось обрабатывать растения, сидя на земле или на коленях. Не потерял Борис Спиридонович интерес к преферансу, шахматам, рыбной ловле. Постоянными его партнерами были Леонид Андреевич Большаков и Лев Николаевич Соколов, тоже работавшие в институте. Очень любил дочь, сына, внуков – Машу, Диму и Сашу, радовался их редким (увы!) приездам, возил по окрестностям Мариуполя, которые были ему дороги. Он очень хотел, чтобы внуки так же, как и он, полюбили море, Белосарайскую косу, Юрьевку. Борис Спиридонович был инициатором семейных праздников, на которые собирались только самые близкие, приходили Нилочка и Володя (Нила Николаевна Иорданова, троюродная сестра, и её муж Владимир Ильич Котлубей). Часто на Новый год приезжали сын или дочь с детьми. Привозили елку, а на столе всегда был слоеный пирог с монеткой – на счастье.

К 1987 году обострилась язвенная болезнь, врачи подозревали рак и настояли на операции. Рака желудка не оказалось, но вскоре проявилась другая напасть. Так уж получилось, что Борис Спиридонович узнал о предполагаемом диагнозе, который звучал как смертный приговор. На этом отрезке пути он проявил большое мужество, силу характера, жажду жизни. Умер Борис Спиридонович 8 апреля 1988 года. В этот момент рядом с ним были бабушка Нина, дочь и сын. Похоронили Бориса Спиридоновича в Мариуполе, на Старо-Крымском кладбище рядом с матерью Евгенией Емельяновной.

Прилуцкая Нина Сергеевна родилась в деревне Суфайлово Вологодской области. Была вторым ребенком в семье. Ее старший брат Феодосий погиб под Сталинградом. Ее мама, Павла Ильинична умерла рано, не прожив и сорока лет, оставив на попечении главы семейства Сергея Дмитриевича, старших сыновей Вениамина и Феодосия... и старшей дочери Нины младших детей: Леонида (умер в Кандалакше), Юрия и Киру (умерли в Вологде) и Капитолину (умерла в Ростове-на-Дону, похоронена в Красном Сулине). В начале тридцатых годов Сергей Дмитриевич продал дом в деревне и ликвидировал довольно-таки крепкое хозяйство. На вырученные деньги купил небольшой дом в Вологде недалеко от старого центра города. У Сергея Дмитриевича были золотые руки, и свою многочисленную семью из шестерых детей он худо-бедно обеспечивал, а старшая дочь Нина была ему первой помощницей. Видимо поэтому из нее вышел замечательный человек: работящий, способный, в высшей степени ответственный, отзывчивый, добрый, во всем рассчитывающий только на свои силы, не знающий ни минуты отдыха. За несколько дней до смерти она обирала с веточек ягоды смородины негнущимися пальцами и вязала сыну носки, утешая его словами: «Я смерти не боюсь... Может, встречу

Бориса».

Всю жизнь была верна девизу: лучший отдых – смена занятий. В 1937 году она в Вологде окончила школу круглой отличницей и, пройдя собеседование, поступила в Московский университет на химический факультет. Жила в общежитии МГУ на Стромынке. Слушала лекции выдающихся химиков, академиков. Училась с будущими корифеями советской химии. В 1941 году учебу временно пришлось прервать: университет был эвакуирован в Ташкент. Поэтому закончила учебу в МГУ лишь в 1944 году. В 1941 году вышла замуж за студента четвертого курса МВТУ Бориса Кириллова родом из Мариуполя. В эвакуации они оказались в разных городах: он – в Нижнем Тагиле, она – в Петропавловске (Казахстан). Работала на оборонном заводе. Здесь же родился сын Валерий 26 апреля 1942 года. Вместе с сыном голодала и мерзла целых два года. Большую помощь оказала тогда Нине Сергеевне младшая сестра Капитолина.

Война разлучила Нину Сергеевну с мужем на три года, чтобы соединить на мариупольской земле в 1944 году под крышей дома Спиридона Феофановича Кириллова. В скором времени Нина Сергеевна стала преподавателем общей, физической и аналитической химии возрождающегося после оккупации местного металлургического института (теперь Приазовский технический университет), где проработала вплоть до выхода на пенсию, то есть до 1974 года. Была, несмотря на свою доброту, строгим, даже жестким преподавателем. Ввела особую систему: для того, чтобы получить зачет по качественному и количественному анализу, студентам надо было решить около семи аналитических задач, то есть определить тот или иной элемент в пробах и его количество. Многие из студентов не хотели или не могли справиться с этими заданиями и пытались, улучив момент, заглянуть в заветную синюю книжку Нины Сергеевны и подсмотреть правильный ответ или напротив своей фамилии переправить знак «-» (задача не решена) на знак «+» (задача решена). Увы! Ничего у них не получалось: Нина Сергеевна в этих вопросах была удивительно строга. Она всерьез полагала, что студенты провинциального вуза должны столь же усердно работать, как работали студенты Московского университета. Даже мужу ни разу не удавалось уговорить ее переправить «-» на «+», когда в сложной ситуации оказывались студенты – дети его близких знакомых. Такова была Нина Сергеевна.

В 1951 году родилась дочь Мария (имя ей дал дедушка Спиридон Феофанович). Жили вчетвером в большой, но проходной комнате. Свою квартиру Нина Сергеевна и Борис Спиридонович получили в 1958 году в центре города в 20 минутах от моря рядом с работой-институтом. После смерти Бориса Спиридоновича в 1988 году она стойко боролась с одиночеством. В этом помогал ей дачный участок, но, в конце концов, все-таки настало время (1996 год), когда ей пришлось оставить дом в Мариуполе и перебраться в Москву. Сначала она жила с семьей дочери, потом вместе с сыном, которому уже на пороге восьмидесятилетия помогала восстановить дачу после страшного пожара в 1995 году. Нина Сергеевна обожала своих внуков, всегда вставала на их защиту, радовалась их успехам в учебе. Постоянно что-то перешивала или перевязывала для них носочки, свитера, шарфики. Умерла Нина Сергеевна 16 августа 1999 года. Ей было восемьдесят с половиной лет. Вечная ей память! Борис Спиридонович как-то, шутя, сказал сыну: *«Ты и я в этой жизни можем уже ничего не делать: мать (Нина Сергеевна) уже за всех отработала – и за себя, и за меня, и за тебя». «Все твои невзгоды, Валерик, – говорила она сыну – происходят оттого, что тебе в жизни все слишком легко давалось...».*

Кириллов Валерий Борисович родился 26 апреля 1942 года в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области. В 1943 году отец привез его, полуторагодовалого... на попечение дедушки Спиридона Феофановича и бабушки Евгении Емельяновны. Из Казахстана до освобожденного Мариуполя добирались без малого десяток дней.

Рахитичное дитя встало на ноги только в два с половиной года, а дотоле ползало, ...заговорило только в три, первым было слово «дай».

...Валерию Борисовичу запомнились колонны обтрепанных и измученных немецких и румынских военнопленных, подбитые танкетки на улицах и немецкие большие военные грузовики с «погорельцами», плакаты «Смерть фашистским оккупантам!», еще до середины пятидесятых годов вместе с карикатурами Гитлера, украшавшие стены домов, длиннющие очереди в магазинах за хлебом. Хорошо сохранила память запах обгорелой красной резины внутри подбитых танков, первые детсадовские послевоенные годы... Помнит Валерий Борисович и первое знакомство с Азовским морем, куда отец нес его впервые, посадив верхом на плечи. С тех пор море стало его самым близким другом, свидание с которым стало на всю жизнь едва ли не самым дорогим на свете для его сердца.

Потом были годы учебы в школе (1949-1959 гг., золотая медаль), в двух институтах: Мариупольским металлургическом и Московском инженерно-физическом (окончил в 1967 году). В ту пору ему очень хотелось стать физиком: атомная бомба, атомные станции, один из самых элитных вузов страны – все это казалось таким романтичным, да и заниматься этим делом тогда – в шестидесятые годы – считалось очень престижным и оплачивалось, по сравнению с другими специальностями, гораздо лучше. Потом все тоже сначала складывалось неплохо. Аспирантура МИФИ, защита кандидатской диссертации в 30 лет и докторской в пятьдесят. Но... наступили другие времена, «перестройка», и то, что вчера было элитарным, вдруг в одночасье стало не то, чтобы ненужным, но совсем не так востребованным временем, как это было вчера.

Кое-кому из уже немолодых удалось приспособиться к новым временам, а большинству, и Валерию Борисовичу среди прочих, бесконечная погоня за рублем-копейкой стала невмоготу, так что, дослужив (промаявшись) пяток лет и дотянув до шестидесяти лет, он не без удовольствия и, пожалуй, с немалым облегчением вышел в отставку. Вся эта история – хорошая иллюстрация к известной пословице древних китайцев: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!».

Дедушка Валера больше всех на свете любит своего внука Романа. Неравнодушен дед к музыке, хотя Господь и не даровал ему таланта, любит литературу, в особенности Хемингуэя, Стейнбека, Шекспира, а из русских литераторов – Гоголя, Бунина; ему интересна живопись импрессионистов Ван Гога, Мане, Сезанна, Матисса.

Влюблен дед и в дачу, автомобиль. С бабушкой Леной дед познакомился, когда ему был двадцать один год, случайно в 1963 году в читальном зале ДК ЗИЛ на Восточной улице, что рядом со стадионом «Торпедо», и женился на ней в 1965 году, будучи тогда студентом четвертого курса. Прожили они вместе немало – тридцать лет. Всякое бывало на этом отрезке жизненного пути – и хорошее, и не очень... Трагедией для деда Валеры обернулся уход из жизни жены (1995 г.) – бабушки Лены...

Кириллова (Тараховская) Елена Зиновьевна родилась 11 апреля 1944 года в г. Новосибирске, где оказалась вместе с приемной матерью поневоле, поскольку ее приемный отец был осужден в 1951 году к 25-ти годам лишения свободы якобы за шпионаж в пользу США. И по существовавшим изуверским правилам его семью (жену и дочь) в двадцать четыре часа выселили из комнаты в Москве..., лишив заодно и московской прописки. Конечно, обвинения были абсурдны и бездоказательны, но тогда это ровным счетом ничего не значило. Честнейшего человека, тогда коммерческого директора крупного завода «Динамо», осудили вместе с директором и главным инженером. А могли и расстрелять! Такие были времена.

После реабилитации отца и его возвращения из лагеря в 1956 году, когда

развенчали так называемый «культ личности Сталина», мать с дочерью вернулись в Москву, где в 1961 году Лена Тараховская окончила школу и поступила учиться в МГПИ (Московский государственный педагогический институт) на факультет иностранных языков. Хорошо владела немецким и, в меньшей степени, английским языками. В 1963 году она познакомилась со студентом третьего курса МИФИ Кирилловым Валерием Борисовичем, за которого в апреле 1965 года после бурного романа вышла замуж. Имела неплохой слух и с удовольствием пела старинные романсы под аккомпанемент мужа, когда в доме собирались гости. Любила готовить, была влюблена в дачу. Обладая чувством юмора, знала и умела рассказывать бесчисленное количество анекдотов, находя им и место, и время. Владела пером. Сохранились ее публикации в заводской многотиражке «Московский автозаводец», где она несколько лет проработала внештатным корреспондентом.

После окончания института в течение 27 лет работала учителем в школе и профессионально-техническом училище. Была прекрасным учителем, ребята ее всегда уважали и любили, и помнили десятки лет после окончания школы, в особенности те, в классах которых она была классным руководителем.

Была отзывчивым, добрым и бескорыстным (порою слишком) человеком. Очень любила дочь, которая ей тяжело далась из-за «букета» разных неприятностей со здоровьем, обожала внука. Была в прекрасных отношениях с сестрой мужа. Имела много подруг, которые помнят ее и по сей день. Умерла неожиданно для всех 20 августа 1995 года из-за сердечной и легочной недостаточности при полном попустительстве и беспомощности нашей медицины.

Постникова (Кириллова) Мария Борисовна – дочь Бориса Спиридоновича и Нины Сергеевны, – сестра Валерия Борисовича. Родилась 12 июля 1951 года в Мариуполе. Окончила школу в 1968 году, как и брат, с золотой медалью. В том же году поступила на химический факультет Московского университета (МГУ). Ее отличает аналитический и ясный ум, высокая работоспособность (сейчас она преподает в химическом лицее), исключительная порядочность, любовь к сыновьям. В 1974 году вышла замуж за Постникова Бориса Степановича (дизайнера по специальности). В 1975 году у них родился сын Дмитрий, а в 1979 году – сын Александр. Дима окончил Высшее художественное Строгановское училище, член Союза художников России (станковая и монументальная живопись). Талантливый человек, будем надеяться, с большим будущим.

Саша в 2000 году с красным дипломом закончил биологический факультет МГУ, а в 2004 году защитил кандидатскую диссертацию. Способный человек, влюбленный в свою работу (исследования в области биохимии). Отличается рассудительностью и широтой интересов. В декабре 2002 года женился. Его жена Даша (Дарья Владимировна Серебряная) тоже окончила биофак МГУ, в 2006 году защитила кандидатскую диссертацию. Сейчас Даша и Саша являются научными сотрудниками биологического факультета МГУ...

Чецкая (Кириллова) Мария Валерьевна, мама Романа. Родилась 4 сентября 1970 года в Москве в семье Кирилловых. Была долгожданным ребенком (отец и мать поженились в 1965 году, будучи студентами). Жила семья тогда в Автозаводском проезде, в коммунальной квартире, где жили ещё три семьи, в доме, в вестибюле которого размещалось метро «Автозаводская». Двор был, тем не менее, глухой, тихий, зеленый и уютный, где можно было с комфортом гулять с коляской. В шестнадцатиметровой комнате всегда было много друзей студентов, было шумно и весело, с соседями ладили, так что, когда семья не без участия родителей купила трёхкомнатную квартиру в Выхино и переехала туда, то поначалу – без телефонов, магазинов и прочего – было очень непросто, да и вокруг, сколько видит глаз, не было ни одного деревца, только фундаменты домов, да темнеющий где-то на горизонте Кусковский парк и здания Высшей комсомольской школы. После окончания школы,

неудачной попытки поступить в иняз Мария один год проучилась в училище машинописи и стенографии, потом поступила в 1988 году в Институт управления на факультет делопроизводства. По окончания института, с 1993 года работает в гуманитарной академии, достигнув в свои тридцать шесть лет заметных успехов. Окончила без особого рвения музыкальную школу в Косино. Немного вяжет, шьет, когда есть настроение, может очень даже неплохо и быстро готовить, умеет поддержать разговор на любую тему и быть интересной в компании друзей. Прилично плавает, любит море, обладает подвижным умом, может быть обязательной, имеет хороший вкус и манеры. Несколько инертна в части литературы и искусств, а жаль – в Москве такие возможности!

Алексей Борисович Чецкий, отец Романа, родился 12 апреля 1970 года в г. Тверь. После окончания школы в Москве решил пойти по стопам своего отца – Бориса Александровича Чецкого – и поступил в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. Попова, которое окончил в 1992 году. Капитан второго ранга, служит в Главном штабе военно-морских сил РФ. Отличный автомобилист, рыбак, охотник. Всё, за что берется, делает хорошо. Исключительно обязательный человек, есть с кого в этом Роману брать пример...

Роман Алексеевич Чецкий, родился в Москве 14 октября 1989 года, учится в автомеханическом колледже. Добрый, общительный, рукастый парень, несколько застенчив; о чём-либо другом говорить пока преждевременно. Любознательности бы побольше, да и физическим развитием заняться пора, чтобы не упустить время. Впрочем, взрослеет и умнеет на глазах.

Послесловие

Мы увидели, что судьбы перечисленных лиц различны, как, впрочем, и должно быть в этой жизни. Но оказалось, слава Богу, что среди них не было и нет ни воров, ни мошенников, ни подлецов. Все без исключения люди эти порядочные, с развитым чувством долга и стремившиеся жить честно и с достоинством. Эти люди могут и должны быть примером для будущих поколений Чецких и Постниковых, на что и надеются авторы этих строк.

Август 2008 г.

Александр Чернов

ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ ХУДОЖНИКОВ КРАМАРЕНКО

Эта история берет свое начало с приобретения ничем не примечательной копии работы А.И. Куинджи. В старинный дом напротив бывшей гостиницы «Континенталь» я пришел в начале 1990-х годов по объявлению – продавался антикварный буфет. Встретил меня хозяин с опухшим лицом. Большая квартира на первом этаже была в страшном запустении, из чего следовало, что её владелец – хронический алкоголик. Кругом валялись пустые бутылки и какие-то жалкие объедки нехитрой закуски. Буфет, который я пришел смотреть произвел жалкое впечатление: орех серо-коричневого цвета из-за вековой грязи, утрачена большая часть шпона верхней столешницы, левая опорная часть опиралась на два кирпича. Тем не менее, моему взору предстоял артефакт, изготовленный в начале XX века в стиле модерн. Фурнитура и фацетные стекла были к моей радости целы, и я сразу решил – буфет надо спасать!

Мне также были предложены две довольно большие картины, написанные на потемневших от времени картонах. Первая представляла собой копию куинджиевской «Радуги», на второй был пейзаж Кисилева. Подписи говорили о том,

что копировал их некто Е. Крамаренко. Кто такой Е. Крамаренко я не знал и первое, что пришло на ум – наверное, какой-то самоучка. Живопись была «зализанной», но, довольно колоритной. Кисилева я как-то сразу продал знакомому любителю антиквариата, а «Куинджи-Крамаренко» оставил себе: все-таки старая копия работы А.И. Куинджи, исполненная на родине великого художника. И картина на долгие годы ушла в мои запасники. Правда, в 2012 году я ее извлек на «свет» и она стала заметным экспонатом мемориального уголка А.И. Куинджи в открывшейся галерее «Артлюкс». Прошло почти четверть века с момента приобретения копии знаменитого земляка – и картина «заговорила»...

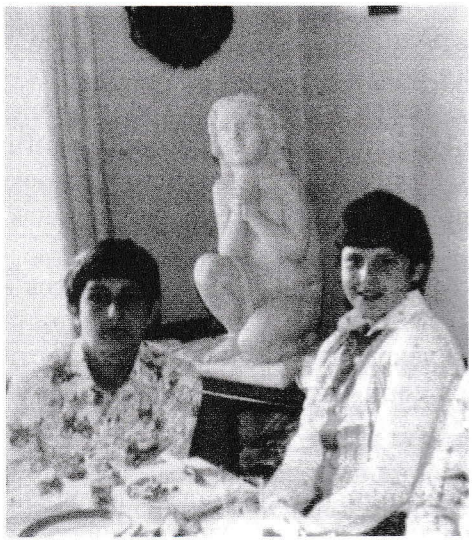


Фото из архива В.Е. Крамаренко. На заднем плане скульптура «Молящийся мальчик»

Работая над книгой «Изобразительное искусство Мариуполя. XIX-XX век» в старых мариупольских газетах 1910-30-х годов я встречал фамилию художника Е. Крамаренко. Сотрудник Мариупольского краеведческого музея Раиса Божко сообщила, что до войны в их музее работал художник с такой фамилией. И даже, несколько лет тому назад, один из наших краеведов хотел написать о нем. Но, в силу каких-то обстоятельств, статья так и не вышла. Забвение загадочного мариупольского художника продолжилось еще несколько лет. И вот однажды ко мне обратился известный мариупольский тележурналист: *«Сотрудники краеведческого музея порекомендовали Вас, как знатока по теме «Художники Мариуполя». Вам знаком такой мариупольский художник, как Крамаренко Евгений Петрович?»*

Кратко опишу подробности нашего дальнейшего разговора. Как оказалось, в Киеве снимают фильм «Распятая Украина». Сюжетной связующей киноповествования является картина Евгения Петровича Крамаренко с одноименным названием. По рассказам создателей фильма, на полотне изображена Украина в виде распятой женщины. Внизу к матери тянутся ее дети, а сверху ее терзают два коршуна с головами Сталина и Гитлера. Позади в пожарище пылают украинские хаты и соборы. Якобы, эта картина написана нашим художником в оккупированном Мариуполе. Также я узнал, что в фильме будет рассказано о мраморной скульптуре флорентийского мальчика[1], которая принадлежала семье Крамаренко. Еще в конце XIX в. ее приобрел то ли отец Евгения Петровича, то ли дед у итальянских купцов в Мариуполе.

По просьбе киевлян, тележурналист записал интервью со мной для киевского фильма о жизни и творчестве Е.П. Крамаренко. Как оказалось, журналист уже общался с его наследником. Вскоре и я познакомился с этим человеком. Виктор Евгеньевич Крамаренко был правнуком Евгения Петровича и внуком Виктора Евгеньевича (сына Е.П. Крамаренко). Благодаря сохранившейся части архива семьи художника, который мне любезно предоставил правнук, и был написан этот рассказ.

---

[1] Скульптура известного итальянского мастера из Флоренции Пампалони Луиджи (1791-1847) называлась «Молящийся мальчик (Молитва)». Изготовлена она была из мрамора в 1830-е годы и, как оказалось, это была авторская копия. Впервые скульптура была сделана по заказу польского графа Франтишека Потоцкого. Но получилась настолько удачной, что автор потом сам многократно повторил ее. Изготовленные Пампалони копии хранятся в палаццо Тосио в Брешии, в палаццо Бьянко в Генуе. Для музея-усадьбы Останкино (Россия) одна из авторских копий была приобретена в 1978 году [1].

Семья П.Е. Крамаренко (стоит старший сын Евгений). Ок. 1904 г. Фото из архива В.Е. Крамаренко

Евгений Петрович Крамаренко родился 6 декабря 1881 года в селе Старый Керменчик Екатеринославской губернии. Село было основано в 1779 году греками переселенцами из Крыма. Отец Петр Ефимович Крамаренко имел двух детей – Евгения и Виктора (род. ок.1894-1896 гг.).

Евгений, как и отец, который одно время даже занимался иконописью, имел склонность к изобразительному мастерству и в 1896 году стал вольнослушателем Санкт-Петрбургского Центрального Училища технического рисования имени А.Л. Штиглица. Окончив 4 курса, он становится участником конкурса классных ученических работ, представленных в Императорскую Академию художеств различными учебными заведениями. Согласно постановлению особой конкурсной комиссии, за предоставленные работы Евгений Петрович Крамаренко был удостоен общей похвалы. Ему было выдано Свидетельство с приложением печати Императорской Академии художеств от 30 апреля 1900 года. Внизу стояли подписи Вице-Президента Академии гр. И. Толстого и делопроизводителя комиссии А. Маковского.

Этот документ в дальнейшем внес путаницу в биографию Е.П. Крамаренко. Владелец столь ценной бумаги придавал ей особое значение и, по всей видимости, бравировал этим. Так, по истечении времени «Свидетельство» было сильно потрепано, поэтому в 1923 году владелец сделал копию, заверенную в нотариальной конторе города Мариуполя. То, что подлинник был подписан вице-президентом Академии действовало на многих гипнотически, и они в силу своей некомпетентности считали, что этот документ свидетельствует об окончании Академии художеств. В семье эту легенду передавали из поколения в поколение. Я сам убедился в этом, пообщавшись с правнуком, который уверял меня, что его пращур окончил Санкт-Петербургскую Академию художеств. И даже мариупольский писатель и журналист А. Белоус в своей публикации допустил подобную ошибку.

На самом деле, Е.П. Крамаренко четыре года (1896-1900) был вольнослушателем Санкт-Петрбургского центрального училища технического рисования имени А.Л. Штиглица, а похвалы был удостоен в Академии художеств за представленные на конкурс работы.

Вернувшись в Мариуполь, Евгений Петрович считал себя вольным художником, однако, на жизнь приходилось зарабатывать и другими профессиями. Косвенно можно предположить, что наряду с работой художником какое-то время Крамаренко работал помощником машиниста паровоза [2], а также на кирпичном заводе [3].

14 октября 1905 года Евгений Петрович женился на 20-летней мариупольской мещанке Марии Стефановне Якименковой. Венчание проходило в Марии-Магдалининской церкви [4]. У молодой семьи родилось семеро детей: 2 дочери и 5

сыновей. Один из сыновей, Иисус, умер в младенческом возрасте, Виктор и Владимир унаследовали от отца склонность к художествам. Но, о них я расскажу чуть позже.

В марте 1910 года Евгений Петрович сдал экзамен в педагогическом совете Мариупольской Александровской гимназии на звание учителя рисования и черчения начального народного училища. Об этом факте говорит «Свидетельство», подписанное директором гимназии [5]. В том же году в газете «Мариупольская жизнь» появляются объявления: «Вольный художник Е. Крамаренко исполняет работы...» [6, 7, 8]. Из скупых строк объявлений можно сделать вывод, что Е. Крамаренко кроме картин, писал иконы, занимался альфрейными работами, а также реставрацией старых полотен. Любопытно, что кроме творчества художник занимался продажей картин, как он пишет, известных художников. С большой долей уверенности, можно предположить, что продавал он не подлинники, а копии, которые собственноручно писал. У наследников Евгения Петровича хранятся книги и альбомы начала XX в. с владельческими автографами мастера, а также некоторые копии работ из этих альбомов. Причем, на многие репродукции нанесена «копировальная сетка», из чего следует, что художник неоднократно писал копии с них. В Мариупольском краеведческом музее хранится картина Е.П. Крамаренко «Фонтан» (р-р 84х89), являющейся живописным ремейком с рисунка Н.И. Завьялова из книги «Мариуполь и его окрестности» (1892 г.). Приобретенные автором копии Е.П. Крамаренко, о которых я упомянул в начале статьи также говорили о том, что Е.П. Крамаренко, в основном, работал как копиист.

Как же в дальнейшем складывалась судьба семьи Евгения Петровича? В канун революции у них родился последний ребенок – сын Владимир [9]. Несмотря, на бурные события и частую смену власти в Мариуполе в период гражданской войны, Евгений Петрович оставался человеком аполитичным. Больше всего в жизни его интересовало художественное ремесло. Конечно, это мои предположения, но об этом говорят факты, когда художнику пришлось заниматься своим любимым делом даже в оккупации при немцах. А двумя десятилетиями ранее, в 1921 году, Евгений Петрович состоял на службе при Политотделе Азовской Военной флотилии в качестве заведующего студией изобразительного искусства. Об этом красноречиво свидетельствует сохранившееся удостоверение [10].

Е.П.Крамаренко. 1920-е гг. Фото из архива В.Е. Крамаренко

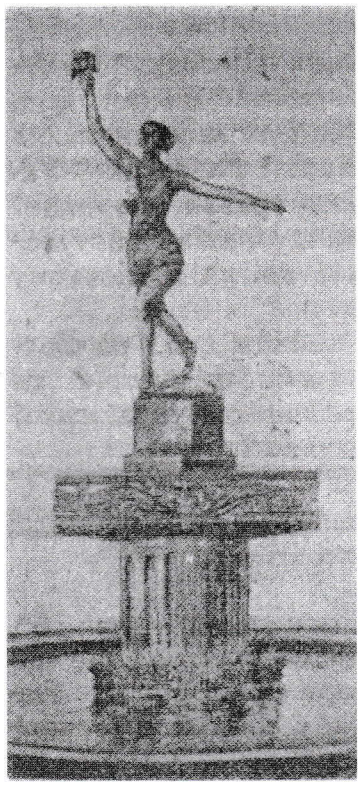
Азовская Военная флотилия начала создаваться в начале 1920 года в противовес врангелевскому флоту на базе мариупольского порта. Но тем, кому предстояло строить новую жизнь, не хватало знаний и элементарной грамотности. Поэтому создали т.н. культпросвет, который должен был заботиться о культурном обслуживании красных моряков. Вот что вспоминал о том времени заведующий библиотекой культполитпросвета Е.Н. Рубыкин: «Товарищи удивлялись и радовались, сколько способных, а порой талантливых людей оказывалось среди красных моряков. Одни начинали играть на музыкальных инструментах, другие рисовать, лепить... Была у нас и студия изобразительного искусства» [11, с. 81-83]. Вот этой студией и руководил Евгений Петрович Крамаренко. Кстати, самым знаменитым выходцем из художественной самодеятельности

военных моряков стал Народный артист СССР Михаил Гришко.

30-е годы в жизни Е.П. Крамаренко были плодотворными и насыщенными разными событиями. Это, прежде всего, работа художником в Мариупольском музее краеведения [12]. Приходилось выезжать в близлежащие колхозы и совхозы, делать там зарисовки из жизни коллективов [13]. Также Евгений Петрович участвовал в оформлении зданий и парков Мариуполя, выполнял частные заказы на копии популярных картин.

Из воспоминаний художника-монументалиста А.В. Коморного известно, что Евгений Петрович вместе с ним и другими художниками принимал участие в изготовлении скульптурной группы для фонтана в городском парке в 1934 году. Крамаренко лепил фигуру девушки с веслом [14]. Тут память старого художника несколько подвела – это был 1936 год [15]. В газете «Приазовский пролетарий» было опубликовано два варианта будущего фонтана. Может быть, это два разных фонтана и авторы у них разные. Если во второй газетной публикации проект фонтана подписан «Е.П. Крамаренко», то в первой значится только фамилия «Крамаренко». И тут необходимо сделать короткое отступление. Речь пойдет о сыне Евгения Петровича Викторе, т.к., возможно, он являлся автором проекта.

Родился Виктор 8 января 1913 года и был третьим ребенком в семье. В раннем детстве у него проявились художественные способности, поэтому в

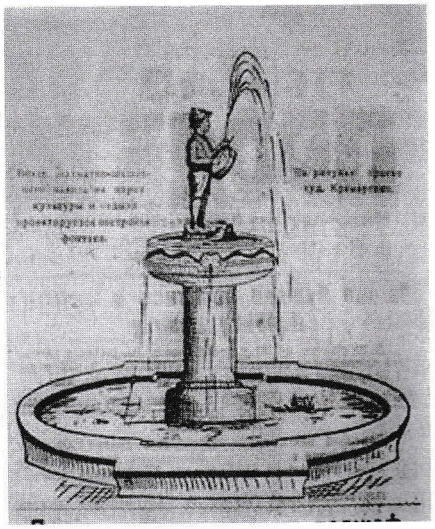


Е.П. Крамаренко. Проект фонтана на главной аллее в парке культуры и отдыха. Мариуполь. 1936 г.

В.Е.Крамаренко с женой Верой и сыном Евгением. Мариуполь. 1940 г. Фото из архива В.Е. Крамаренко

семье решили дать ему достойное образование. В 1930 году Виктор поступил в Харьковский художественный институт, который с успехом окончил в 1935 году и вернулся в родной город. Годом ранее, 26 июня, он женился на Игнатенко Вере Васильевне [16]. Вскоре у них родился сын Евгений.

В родном Мариуполе дипломированный художник сразу включился в любимую работу. Уже в апреле 1936 года по его проекту устанавливается входная арка в парке им. Петровского, которая не сохранилась до наших дней. Увидеть ее



В. Е. Крамаренко (?) Проект фонтана в парке культуры и отдыха. Мариуполь. 1936 г.

В. Е. Крамаренко за установкой арки в Парке им. Петровского. Мариуполь. 20.04.1936 г.

можно на фотографии из архива наследников художника. Можно предположить, что автором проекта фонтана с «пионером-барабанщиком» мог быть и Виктор Крамаренко. Это как раз тот самый фонтан, опубликованный в газете как проект Крамаренко без указания инициалов.

Интересно, что в реальности фонтан со скульптурой «Женщина с веслом» был

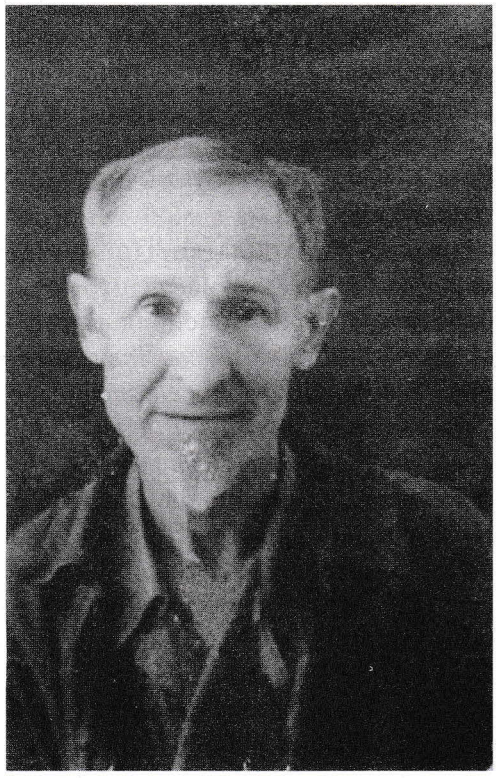
Р.Р. Иодко. «Женщина с веслом». 1935 г.

Фонтан в городском саду. Мариуполь. 1937 г.

изготовлен. Его можно увидеть на открытке 1936 года. Был ли автором этой скульптуры кто-то из Крамаренко? Можно однозначно ответить – нет! А вот авторство круглого основания фонтана, без сомнения, можно отнести к Е.П. Крамаренко.

А кто же автор скульптуры «Женщина с веслом»? Мариуполь оказался одним из многих городов Советского Союза, где была установлена «Женщина с веслом» скульптора Ромуальда Ромуальдовича Иодко (1894-1974) [17, 18]. Привезли ли скульптуру в город готовой или изготовляли ее здесь, на месте? Склоняюсь ко второму варианту. В качестве подтверждения можно сослаться на воспоминания А.В. Коморного. А проекты Крамаренко, скорее всего, так и остались на бумаге.

Старший Крамаренко старался привлекать к работе все свое семейство. В архиве наследников художника сохранился интересный документ – трудовое соглашение от 13 мая 1941 года, заключенное с заводом им. Ильича на предмет разработки рабочих чертежей и рисунков, изготовления форм и моделей, а также их установки на местах. О чем шла речь? Это были капители колонн, фризы и панно сложных рисунков [19]. Так вот, в бригаду художников и архитекторов, которые должны были выполнить означенные работы вошли Евгений Петрович, сын Владимир, невестка Вера Васильевна и еще три человека. Осуществить этот проект, скорее всего, не удалось, т.к. через месяц, 22 июня 1941 года, гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Два тоталитарных режима, которые еще два года тому назад совместно, и не без успеха, начали передел границ Европы, схлестнулись в смертельной схватке.



Е.П. Крамаренко. 1940-е гг.
Фото из архива В.Е. Крамаренко

8 октября 1941 года немцы практически без боя захватили Мариуполь. Наступил период оккупации города, который длился 701 день. Несмотря на военное положение, в августе 1942 года немецким командованием было объявлено о приеме в художественную студию учеников, которые умеют рисовать. Это была студия Митрофана Степановича Дёмина, которая располагалась в здании, где сейчас находится редакция газеты «Приазовский рабочий» [20]. Занятия в студии велись на пяти отделениях: черчение, живопись, скульптура, прикладное искусство и вышивание. Ежемесячно проводились отчетные выставки учеников. Также работали студия Григория Кузьмича Бендрика и мастерские художников Курлова, Благонравова, П.Ф. Бодунова. Немцы поощряли занятия искусством, заказывали копии с известных картин, в том числе и русских художников-передвижников, портреты.

Во время оккупации Мариуполя Е.П. Крамаренко находился в городе и, скорее всего, его опыт художника-копииста пришелся очень кстати.

Евгений Петрович принимал участие в организации второй художественно-декоративной выставки, которая прошла в читальном зале краеведческого музея с 18 по 30 июля 1942 года. Причем, как было отмечено в местной газете, эта выставка выгодно отличалась от первой. Здесь практически не было копий. Художник

Федоров показал картины «Розы» и «Уличная девочка». Художник Богонравов (возможно Благонравов) был представлен «Портретом фон Кляйста» и натюрмортами. Художник Е.П. Крамаренко показал две акварели: «Улица большого города» и «Женский портрет», а также живописные работы: «Рыбак», «Индус» и «Катерина». Его пейзаж «Самарина балка» по духу близок к импрессионизму. Также автор статьи отметил акварель Ефременко «Цветы» и работу Маркова «Портрет Шевченко», выполненную итальянским карандашом. Были отмечены и керамические изделия завода имени Ильича: вазы, тарелки, чашки. Все было украшено украинским орнаментом [21].

В семейном архиве Крамаренко сохранился интересный документ. Это договор, заключенный с директором Мариупольского краеведческого музея А.П. Месяцевым на предмет исполнения трех картин на тему: «Жнива» (масло, 110х85 см.), «Морской бой запорожцев с турками» и «Татары гонят женщин в неволю» (обе акварель, 80х60) за 5000 карбованцев. Причем заказ был срочный, в распоряжении художника было всего две недели. 30 сентября 1942 года работы уже должны были быть представлены специальной комиссии.

После освобождения Мариуполя, многие мариупольцы поплатились своей жизнью или свободой за то, что находились на оккупированной территории. Не минула сия судьба и стареющего художника Крамаренко. 8 апреля 1944 года Евгений Петрович был осужден Военным трибуналом войск НКВД на 10 лет. Наказание он отбывал вначале в Мариуполе в т.н. Ворошиловской колонии, а затем его отправили в Еленовку, где он работал в карьере № 2. То, что пришлось пережить старому мастеру, говорят его письма домой. Многие из них на клочках бумаги стареющий художник оформлял как открытки. Приурочены они были к различным праздникам. В первые годы, когда наказание он отбывал еще в родном городе, ему «посчастливилось» работать по своей специальности – художника-скульптора. В одном из писем он сообщает: *«...остальное все катится по-старому, всё занят любимой работой, на днях установил новую статую, мною сделанную из цемента. «Рабочий» выглядит хорошо, начальство довольно... Вера, со мной сидит в лагере Костанский Александр, ты его знаешь, это мой бывший ученик»*. В дальнейшем в его письмах все больше жалоб на здоровье и отсутствие внимания со стороны родных ему людей. Последнее письмо, датированное 1 июня 1952 года, уже дописал его товарищ по лагерю. А 5 июля этот товарищ сообщал: *«...он совсем плохо себя чувствует»* [22].

До своего освобождения старый художник не дожил – летом 1952 года он умер от истощения и болезней. Печальная судьбы постигла и двух сыновей Евгения Петровича. Виктор, в творчестве которого открывались большие перспективы, пропал без вести на фронте в августе 1941 года [23; 24, с. 243]. Сын Александр служил на подводном флоте и тоже погиб в 1942 году.

Долгие годы воспоминания об интересных художниках передавались из уст в уста, хранились в памяти многочисленных родственников, из которых многих уже нет в живых, а иные уже далече... К счастью, сохранился небольшой архив семьи Крамаренко. К сожалению, творческое наследие Е.П. Крамаренко, на сегодняшний день, представлено очень скудно. Кроме обнаруженных мною вышеупомянутых работ, у правнука также хранится несколько копий. Возможно, его рабаты висят в старых мариупольских домах и еще ждут своего открытия.

Использованы источники

1. Государственный музей-заповедник Царицино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facebook.com/TsaritsynoMuseum/posts/889624341089397

2. Свидетельство Екатерининской железной дороги от 26 октября 1904 г. – Архив семьи Крамаренко.

3. Визитная карточка Е.П. Крамаренко. Нач. 1900-х гг. – Архив семьи Крамаренко.

4. Выписка из метрической книги о бракосочетании Марии-Магдалиновской церкви. – Архив семьи Крамаренко.

5. Свидетельство об испытании на звание учителя начального народного училища от 6 марта 1910 года, выданное Мариупольской Александровской гимназией. – Архив семьи Крамаренко.

6. Объявление. // Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1910. – 6 июля. – С. 1.

7. Объявление. // Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1910. – 1 октября,– С. 1.

8. Объявление. // Мариупольская жизнь. – Мариуполь. – 1911. – 22 февраля. – С. 1.

9. Выписка из метрической книги о рождении Марии-Магдалиновской церкви. – Архив семьи Крамаренко.

10. Удостоверение, выданное Крамаренко Евгению Политическим отделом Азовской Военной Флотилией №357 от 10.02.1921 г. – Архив семьи Крамаренко.

11. Красная Азовская флотилия. / Е.Н. Рубыкин. С винтовкой и книгой. – Донецк, 1962.

12. Фото П. Кашкеля «Художник Е.П. Крамаренко пишет панораму заповедника на Белосарайской косе». 1934 г. – Архив семьи Крамаренко.

13. Командировочное удостоверение №254 Мариупольского музея краеведения от 25.08.1933 г. – Архив семьи Крамаренко.

14. Воспоминания А.В. Коморного, записанные Л.Н. Кузьминковым 22. 08. 1996 г. Рукопись. – Архив автора.

15. Проект фонтана на главной аллее в Мариупольском парке культуры и отдыха. Автор проекта Е.П. Крамаренко. // Приазовский пролетарий. – Мариуполь. – 1936. – 10 февраля – С. 2.

16. Свидетельство о браке №1050 от 26.06.1934 г., выданное Мариупольским Загсом. Запись № 615 в книге за 1934 г. – Архив семьи Крамаренко.

17. В Москве отпраздновали юбилей «Девушки с веслом» / Издание «Ветеран Башкортостана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://veteranrb.ru/v-moskve-otprazdnovali-yubilej-devushki-s-veslom/

18. Ах, эта девушка с веслом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/lara_liberty/post209825023/

19. Трудовое соглашение 451. Ст. Сартана. Юж.ж.д. 13 мая 1941 г. – Архив семьи Крамаренко.

20. Лев Яруцкий. Ах, война, что ты сделала, подлая.... // Приазовский рабочий. – Мариуполь. – 1997. – 31 января. – С. 3.

21. Л. Друга художньо-декоративна виставка. // Маріупольська газета. – Маріуполь. – 1942. – 6 серпня. – С. 2.

22. Письма Е.П. Крамаренко – Архив семьи Крамаренко.

23. Извещение 1306 от 12.12.1944 г. – Архив семьи Крамаренко.

24. Книга памяти Украины. Донецкая область. Том 3. Город Мариуполь. – Донецк, 1995.

АВТОРИ

Аджавенко Миколай Костянтинович – філолог, журналіст, багаторічний співробітник газети «Сільська новина» Першотравневого району Донецької області, краєзнавець.

Божко Раїса Петрівна – історик, заступник директора Маріупольського краєзнавчого музею з наукової роботи, член Національної Спілки краєзнавців України.

Булі Тетяна Юріївна – історик, завідувач художнім музеєм ім. А.І. Куїнджі.

Головко Тетяна Борисівна – географ, завідувач відділом сучасності Маріупольського краєзнавчого музею.

Забєло Олександра Валеріївна – історик, науковий співробітник відділу історії Маріупольського краєзнавчого музею.

Зима Олег Олегович – лікар-хірург Обласної лікарні інтенсивного лікування м. Маріуполя, краєзнавець.

Капустнікова Наталя Олександрівна – історик, директор Маріупольського краєзнавчого музею.

Катрич Сергій Володимирович – інженер-механік, член Національної Спілки журналістів України, краєзнавець.

Кучугура Лідія Іванівна – історик, археолог, зберігач фондів Маріупольського краєзнавчого музею, член Національної Спілки краєзнавців України.

Некрасовський Юрій Якович – журналіст, член Національної Спілки журналістів України, інструктор-методист з туризму, кандидат в майстри спорту, краєзнавець.

Тарасенко Євген Миколайович – інженер-механік, кандидат технічних наук, автор понад 30 наукових робіт з металознавства, краєзнавець.

Чернов Олександр Михайлович – інженер-конструктор, колекціонер, член Обласної спілки творчих діячів «Галатея», член Національної Спілки краєзнавців України, голова Маріупольської місцевої організації ДонОО НСКУ

Шакула Ольга Олександрівна – біолог, завідувач відділом природи Маріупольського краєзнавчого музею.

Якушенко Людмила Семенівна – історик, головний зберігач фондів Маріупольського краєзнавчого музею.

ЗМІСТ

ІСТОРІЯ РІДНОГО КРАЮ

Кучугура Л. Курганы в Мариуполе как источник по предыстории города.....3
Зима О. Мариуполь в системе административно-территориального деления. Часть 1 (XVIII в. – 1920 г.). Хронология.....12
Капустникова Н. Мариупольская таможенная застава в первой половине XIX в. и её надзиратель Василий Константинович Крыжановский.....24
Катрич С. Мариуполь и юзовский «холерный бунт» 1892 года.....28
Божко Р. Демографические зарисовки из истории Мариуполя 1914-1916 гг.....35
Забело А. Из истории водоснабжения Мариуполя. Старо-Крымское водохранилище.....46
Головко Т. Становление и развитие радиовещания и телевидения в городе Мариуполе. 1928-2012 гг.....53
Некрасовский Ю. Мариупольскому обществу филателистов – полвека. Первые годы и первые кадры. Записки коллекционера.....64

МАРІУПОЛЬ У ОСОБИСТОСТЯХ

Аджавенко Н. Архип Куинджи и Третьяков. К истории взаимоотношений.....69
Якушенко Л. Последний священник Екатерининской церкви города Мариуполя.....76
Чернов А. Преподаватели изобразительного искусства Мариуполя 1870-1920-х гг.....79
Шакула О. Мариупольский период жизни создателя уникального гербария Северного Приазовья И.К. Бойко.....87
Були Т. Инженер Сергей Георгиевич Фетисов.....90

ПОШУКИ ТА ВІДКРИТТЯ

Тарасенко Е. О надписи на горе «Острая» в заповеднике «Каменные Могилы».....93
Кириллов В., Постникова М., Постников А. Воспоминания о семье Кирилловых.....99
Чернов А. Жизнь и трагедия художников Крамаренко.....113

Автори.....122
Зміст.....123

Науково-популярне видання

Маріупольський краєзнавчий збірник

2017 р.

Відповідальний редактор – Р.П. Божко

Технічна редакція – Л.І. Кучугура, О.В. Дейниченко

Комп'ютерна верстка, дизайн – О.В. Горе

Формат 60×84 1/8 . Умовн. друк. арк. 14,42. Обл.-вид. арк. 17,14.
Наклад 500 прим. Замовне. Зам. № 6180

Надруковано з готових діапозитивів у ТзОВ «Терно-граф».
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ТР №24 від 28.12.2004 р.
46400, м. Тернопіль, вул. Текстильна, 18
Тел.: (0352) 51 91 65, 51 91 66;
e-mail: terno-graf@ukr.net